

Когда поёт соловей...

СВЕТЛАНА ДЕМЧЕНКО

Светлана Андреевна Демченко

Когда поёт соловей...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=29006736

SelfPub; 2018

Аннотация

Это повесть. Посвящена проблеме творчества, повествует о вдохновении и его роли в сочинительстве. Главная героиня журналистка Евгения Ткачёва, решив создать книгу, постепенно наполняет её судьбами интересных персонажей, оригинально соединяет их истории в свою одну творческую судьбу. Созданные ею разные литературные жанры мирно уживаются в одном содержании, рождая интересную палитру человеческих взаимоотношений и страстей. В книге много света и любви, надежды и мечты. Рассчитана на интересующуюся литературой аудиторию. Иллюстрирована авторскими картинками живописи.

Содержание

1		7
	Читателю	7
2		12
	Выжатый лимон	12
3		29
	Замысел	29
4		32
	Визитка	32
5		37
	На грани вдохновения, или когда поёт соловей...	37
6		48
	Обнимаю	48
7		56
	Признание	56
	Итак, "Признание":	59
8		63
	Начало	63
	«Цветы»	65
9		69
	Сюжет	69
	«Сюжет».	71
10		87

	Судьбоносные маки	87
11		94
	Время	94
12		100
	«Хлебать золотыми ложками бесплатно»	100
13		107
	Память. «Эхо войны»	107
14		115
15		124
	«Душа моя чиста...»	124
16		131
	О мысли	131
17		138
	Теряя смыслы...	138
	Самый лучший подарок	142
18		147
	Окольцованное лето	147
19		151
	Лесной колокольчик	151
20		159
	Яблочно-медовая пора	159
20		164
	Небесное приветствие земли	164
21		171
	Котлеты с макаронами	171
	Очерк.	171

Другой жизни просто не бывает.

Эпилог

Когда поёт соловей...

Повесть

«...Книгу бы написать такую – солнечную.

Налить ее радостью до краев и

сказать всему человечеству:

– Пей, жаждущее!"».

А. Неверов

1

Читателю

Очень хочется написать светлую современную книгу, признаться в любви каждому, кто прочитает её, независимо от того, понравится она ему или нет. Светлую, – значит, – душевную, с разноликой гаммой настроений и страстей в человеческих взаимоотношениях. Ведь всё, о чём пойдёт речь, – не авторские фантазии, а правда повседневной жизни её, и тысяч таких же, как она, людей творческого труда.

Хотите – верьте, хотите – нет! Но эти строки наполнены такой позитивной энергией, которая способна согреть всех, чьи глаза соприкасаются сейчас с ними. Превозмогая любопытство, надо в это поверить, «разузорить» привычную повседневность чудом воскрешения всего самого дорогого и лучшего, что было в нашей жизни.

И именно в эту минуту оно может нас посетить, взывая лад молитвенного строя и возбуждая чувство благодарения Богу за всё, что мы имели, имеем и чем будем еще владеть.

Эта предстоящая встреча посылает тепло жизненного потока, вливающегося в нас с каждым звучащим здесь пожеланием. Пожеланием погружения в родное, завертевшееся в танцах будней, спрятанное глубоко в душе, ощущение того, что от выси неба к земле Мы – важное звено! Мы – Божьи дети. Мы – есть! Это от нас устремляются желания. Их сонм. И главные – любить, творить, дарить! На непонятном нам языке они чувствуют прозрачные пространства в беспредельности, где после сумрака земного скитания, побед и поражений, царствует свобода Духа.

От этих слов веет уютом и улыбкой. Мы улыбаемся: себе, людям, миру.

Это улыбка всепоглощающего жизнелюбия и того самого благодарения небесам и Господу, которое живет в нас. Мы не верим в царство морального безветрия. Понимаем: бури неизбежны... Но всем нам всё равно дано безумствовать от любви и эмоционального огня!

К нам приходит радость: за себя, родителей, детей, любимых, друзей, коллег, – всех, кто не теряет нитей единения, дружбы и родства.

Ведь готовых к самоотдаче во имя жизни другого, немало, и, когда в унисон бьются сердца, в душах возводится пьеде-

стал Любви. Это он стережет минуты жизни, ибо они нестерпящих ждут.

Сочиняя эти строки, мы осознаём, что любви в нашей жизни было много. Она всепроникающая, ибо вопреки протяжным стонам нелюбви, всегда пробуждает не взлелеянные ранее сокровенные мечты.

И, если в какую-то минуту нам казалось, что любовь отвернулась, – верить нельзя!

Просто она замешкалась среди мешающей ей свиты бед и невзгод, запуталась в ромашковых лепестках, в своем цветении, словно весенняя черемуха в извивах белых кос.

Но она обязательно выпрямится, встрепенётся и однажды совсем неожиданно озарит душу улыбкой, расскажет о вечных подателях жизни – Небе и Солнце, о трепетных звонах лучей Света, о небесной весне и неземной красоте.

И мы прозреем, поймем, что нашему естеству нужно только одно – покаяние; нужно стряхнуть с души уныние, недовольство и неверие, – эту мутную росу амбиций и эгоизма.

Труд этот нелегкий, но он принесет осознание назначения на земле.

Мы все – творцы! Творцы своей жизни и всего, что с нами происходит и случается.

Вот в эту минуту мы чувствуем, как насыщаются вдохновением наши мысли. Они всегда готовы услужить добрым помыслам и планам, нашей воле.

Чарующее воздействие двух слов, – любить и творить, – на внутренний мир и наши души, – рождает готовность быть щедрым, добрым, участливым ко всему живому, что нас окружает.

Преодолевая воспоминания о трудных, порой роковых обломках человеческих взаимоотношений, о том, как мы содрогались от зла, неблагодарности и черствости, настает пора растопить этот лед и готовить накопленное любовью добро для милосердия.

Его нужно раздавать... Близким, знакомым и незнакомым, одиноким, страждущим, нуждающимся, – всем, кто этого желает и ждет.

Прислушаемся к себе... Внутренний голос многих вдохновенно

заявляет: «Я готов!». Готов радоваться успешным, красивым, процветающим, здоровым людям.

Готов подбодрить и поддержать участием увядающих, больных и немощных, несостоявшихся и догорающих на закате жизни.

Так поклонимся вместе светозарному чуду воскрешения наших душ ото сна. Порадуемся нашему пробуждению в Христовой молитве. И на грани Неба и Земли обязательно придет рассвет огромного человеческого Счастья: просто жить на этом белом свете!

*

«Да, нужно просто жить! Даже тогда, когда эта жизнь зажала тебя в тиски разочарования и бессилия», – мысленно увещевала себя Евгения Ткачёва.

Выжатый лимон

В больницу её доставила Скорая. Потеряла сознание... на работе, сидя за очередной статьёй. Сейчас «оклималась» маленько.

Днём солнышка и в помине не было. Спряталось от людских глаз, забыло «получезарить» на земле. В палате было тихо. Казалось, слышала своё дыхание. Взглянула на окно. За ним пролетал лёгкий снежок. «Надо же, как уставший старичок, семенит через пятое на десятое. Надо подняться». Накинув халат, подошла к окну. Снежок продолжал свой февральский танец. Услышав воображением его музыку, Евгения уже сочиняла:

*Снежинки падают вокруг,
Любовь Небес роняют.
Покуролесят, затанцуют вдруг,
Пока судьбы своей не знают.*

С.А. Демченко. Из серии «Зима». Лунная ночь.

Ладонь ловит танцующую в воздухе серебристую снежинку. То – поцелуй, в котором путешественница, изнемогая от прикосновения с теплом, тает, исчезая с этого мира навечно.

Одна, вторая, третья... Кружатся, как мысли, непостижимо возникая и прячась одна за другой. Говорят, что существует сто тридцать пять типов этих изящных балерин воздушного балета. Формы их условных "пачек" зависят от многих обстоятельств: температуры и влажности воздуха, атмосферного давления, даже структуры воды, с которой они образуются.

Если физические свойства капли хотя бы чуть-чуть меняются, форма снежинки тут же становится иной. Как же они образуются? Этот процесс давно изучен.

Под воздействием низких температур в капле воды происходит так называемое явление "ликвации". То есть образовавшиеся кристаллики льда начинают выталкивать различные примеси (хотя бы ту же пыль) наружу. В результате этого и возникают симметрические кристаллы.

Они обрастают водным паром, переходящим в твердую фазу, создавая, собственно, ту или иную форму снежинки. Найти две одинаковые среди них, абсолютно совпадающие, практически невозможно.

Подумалось: все, как у людей: неповторимость каждого становится непреходящим уделом человека. Мы – разные. И чем больше "выталкивания" из своего мира ненужных при-

месяц-пороков, тем совершеннее и светлее Личность, грани которой оттачиваются в вихре жизненных хитросплетений.

Снежинки реагируют на изменение внешних условий изменением формы: от классической – шестигранной до... совершенно непредсказуемой, – двенадцати-, восьми-, и трехгранной.

То же самое происходит и с человеком.

Один – талантлив, гениален, второй – упорный, трудолюбивый, третий – преуспевающий... Или... – неуклюж, не приспособлен, ленив. У одного Душа заполнена любовью, добротой, другой же – желчный, злой, на всех обижен. Каждому – свое, свои углы и грани.

Ученые, изучающие мир снежинок, сегодня недоумевают: почему увеличивается количество трехгранников, а не снежинок, например, с двенадцатью лучами?

Даже в природе начинает преобладать посредственность, как и в обществе? Или же, наоборот? – Посредственность людей вызывает себе подобные процессы в природе?

Как знать, но этот вопрос сегодня уже задают снежинки, эти выкидыши нежной зимней стихии Неба.

Не пора ли человеку задуматься о том, что его жизнь – это такое же мелькание, вихрь в небесном вечном океане, как и танец снежинок над головой?

А снежинки роняют любовь,

Несут свои чувства всем людям.

Приходят зимой для того, чтобы вновь

В ладони растаять.— Мы их не забудем.

*

«Да, каждая из вас,— мысленно обращалась женщина к снежинкам,— сейчас ликует: простора и света много, но жизнь Ваша, как и наша, быстротечна, увы!» И вот парадокс: от тепла можно тоже исчезнуть.

А у людей не так? Почему же: и человеческое тепло бывает разным,— искренним и лицемерным, замешанным на обмане. Всё в мире содержит в себе свою противоположность. Осознавая это, понимаешь, какого преклонения и пietetа заслуживает гармония, баланс, мера,— черта, за которую нельзя переходить.

*

Какие же короткие эти декабрьские дни. Время сплывает настолько быстро, что не успеваешь оглянуться: кажется, недавно было утро, а уже и дня нет, вечереет. Дни-то, подобно бусинкам на разорванной нити, бросаются врассыпную, убегают враскат по закоулкам и щелям будней.

Ещё и погода такая,— не радует: серость и сырость, словно танцующая пара, повсеместно правят бал.

В ясную погоду со второго этажа больницы можно чётко различить и строения, и деревья, и спешащих по своим делам людей. А сейчас её глаза отчаянно пытались отделить один силуэт от другого, робко осваиваясь с наступающими сумерками.

Евгения почувствовала холод, съёжилась. Отошла от окна, чтобы набросить тёплую кофту. В дверь постучали. Вздрогнув от неожиданности, произнесла:

– Да, да, входите.

В палату вошёл он, её шеф, Павел Сергеевич Ордынский. Посетитель, которого она ждала меньше всего. Мысль, прежде чем быть озвученной, беспорядочно спотыкалась, беспокойно ворочалась со слова на слово. Выручил гость.

– Женечка, я на минутку, только сегодня узнал, что ты в больнице. Что с тобой? Не шути так. Работы ведь много...

– Я устала, Павел Сергеевич, – и запнулась, увидев принесённые ей соки.

Соки. Кто их не пил! Свежие и консервированные. С мякотью и без нее. Подслащенные и натуральные. С консервантами и без таковых. Соки, как мы знаем, жизнеутверждают все живое. А тут...

– Ну, зачем мне теперь эти "сандоры", "живчики"? – с внутренним раздражением принимала их женщина. – Мои-то собственные соки уже выпиты до дна?!

– Ты поправишься, – утешал ее сидящий рядом Павел Сергеевич. – Ты же знаешь, как нужна нам.

Да, она понимала, что необходима. Иначе, кто, кроме нее, будет писать доклады и выступления для него? Конечно, она,

его референт, или, как сейчас принято говорить, пресс-секретарь. Сотрудники уже посмеивались. На каждом форуме, где с трибуны звучал уверенный голос ее шефа, по залу ходило колкое: "слова Ткачевой, музыка Ордынского".

Но в том-то и дело: Ордынскому от этого ни холодно, ни жарко. Когда его хвалили за произнесенную речь, он все это напыщенно и самодовольно принимал на свой счет. А Ткачева в это время, сжимая виски от головной боли, сидела где-то в сторонке и думала:

«Когда же, наконец, это все закончится, и шеф разрешит уйти домой?»

Он властвовал на своем служебном троне, успешно делал карьеру; докладов, отчетов, речей все прибавлялось. И она продолжала писать, – на работе, дома, ночами и днями, чтобы успеть положить материал на стол начальнику к обозначенному сроку.

И дописалась до истощения нервной системы. Теперь вот сидит Ордынский у постели и отпаивает ее соками.

– К тебе вернутся силы, – утешал.

– Силы, может, и вернутся, – вдруг решила журналистка, – а вот соки отныне будете пить сами, свои.

– То есть?

– Будете писать себе сами. Десять лет такого труда, всегда спешного и неупорядоченного, – с меня достаточно.

– Еще чего надумала. Тогда увольняйся, – не медля, под-
нялся с места.

На том и распрощались.

Всхлипывая, Евгения выключила свет и прилегла. Может, не стоило так резко сообщать о своём решении? И дальше жить молча со стиснутыми зубами. Можно, конечно. Но не так уж и далеко время, что и стиснуть-то будет нечего.

Ну, что же теперь? Пусть как будет. А будет, как она всегда считала, как должно быть.

Но на душе было беспокойно.

Встала. Но свет не включила. В который раз подошла к окну

Небо было беззвёздным, каким-то притаившимся, ушедшим в засаду. И хотя его задёрнула занавеска лёгкого снегопада, оно где-то в выси было живым и видящим. По крайней мере, так считала Евгения.

Для неё лицо неба всегда было понятнее лица земли. Вот оно у неё какое, – её небо.

Небо!..

Ты величественно простираешься в необозримом и непо-

стижимом пространстве, заставляешь с надеждой и удивлением вглядываться в безмерную высь, настойчиво зовешь в теплые странствия мечтаний и упований, которые изначально возвышали наше естество выше природной самости.

Ты предусмотрительно накрываешь нас невидимым пространственно-временным покрывалом, властно фиксируя свою сущность, приглашая к серьезным раздумьям о таинственном, доселе неизведанном небытии.

Ты пестрое, причудливо разноликое: от морского глубинного мрака до росистой дрожащей лазури.

Щедро посылаешь на Землю свою священную благодать. Она – в сплетенных косах красочного соцветия радуги, всепроникающих золотистых лучах Солнца, в строгом холодном свечении Луны, в светящем мерцании чарующих звезд.

Этот специально и тщательно рожденный Космосом, неестественно бурный поток жизнеутверждения мерцает и разливается ежеминутно, подпитывая и выверяя чудоизменения всего сущего.

Венцом твоей неповторимости выступает сказочная звездность, когда ночами соловьино выщелкиваешь свою красоту и становишься светлячковым алтарем для исповеди

звездных колдуний, больших и малых, чудом познанных и доселе совсем неизвестных.

Их сонм, неопишемое множество. Но каждая нежно приласкана и радушно успокоена твоей щедрой опекой.

Небесное бытие переполнено своих страстей и чувств.

Кажется, что молодой Месяц только то и делает, что игриво заискивает, похотливо заключает в объятия раскрытого "серпанка" твоих ночных красавиц, как бы выбирает свою единственную, способную утолить жажду наполнения и превратить его в тот символ любви, под покровом которого можно сбросить с себя цепи искусственно придуманных на Земле условностей.

Звезды, с любовью купающиеся в лунном физическом океане, также объясняются в своих трепетных чувствах выкидышу ночи, небесному Мефистофелю.

С Земли они кажутся то ли крестом, то ли неровно окантованным кругом, или еще какой-то совсем причудливой фигурой.

Иногда, надолго цепляя глазом какую-то веселую небесную невесту, замечаешь, что она движется, удваивается,

словно размножается в пространственно-временной паутине.

И тогда нас пьянит и всецело захватывает ощущение причастности к целебному таинству животворящей небесной Праматери.

Небо!

Иногда ты, множественно украшенное звездами, даришь нам загадочный ликующий танец звездопада, во время которого отдельные его бунтующие солистки пресыщенно вырываются из взаимозависимого содружества и быстро скатываются небосклоном.

Они спешат известить нас об осуществлении задуманных нами желаний и мечтаний.

Ты иногда сердишься, когда содрогаешься от раскатистых перекатов грома и на преломлении световых волн рождаешь раскрепощенный зигзаг огненной молнии или же откупориваешься метеоритными осколками далеких космических субстанций.

Ты можешь расплакаться ручьями близнецового дождя или с удовольствием засмеяться вихрем пушистых снежи-

нок, не останавливаясь столько, сколько тебе заблагорассудится. А то бываешь меланхолически спокойным и ласковым, когда насытишься равномерно рассеянным светом или сумрачным переливом космической энергии.

Ты удивительно красивое внешне. Но намного богаче по существу: своим естеством, функциональным побуждением.

Смело и безвозмездно предоставляешь надежный приют различным хулиганистым облачным химерам, рожденными нашим представлением и фантазией. Жаль только, что их контуры, скоррегированные восприятием глаз, стеариново тают в замедленном течении твоего молочного тумана.

Ты зримый образ вечной Вселенной! Огниво жизненной энергии и воодушевления!

Существуешь только тебе известной логикой бытия и ни с чем не сравнимого самовыражения.

Тебе молимся, к тебе втайне и явно посылаем свои вожденные мысли.

Во сне без тебя напрочь одиноки.

Когда же взором касаемся твоего вселенства, преисполня-

емся желанной надеждой.

Ты такое родное и вместе с тем такое недоступное.

Манишь, тайно зазываешь, обжигаешь горечью осознания необратимости всего ранее ощущаемого, воспринятого, пережитого и представляемого.

Ты единственная в мире свободолюбивая крестоносная бездна примирения. Она рано или поздно, раз и навсегда примет в свои объятия порой смущенные, как правило, натруженные, иногда совсем изнасилованные земной жизнью, человеческие души.

Низкий поклон тебе, Небо, за то, что ты было, есть и будешь во веки веков!

*

Вспомнила это своё эссе о небе, понимая, что его лицо чище лица земли.

Люди не видят землю первозданной, собственноручно и постоянно её изменяют, а небеса такому влиянию не подвергаются, являясь человеку такими, какими их ежеминутно рождает праматерь-природа. Они выразительнее земли не только пространственно, но и отличительны своей искренностью, чистотой.

«Как жаль, что нет тебя со мной, мама. Ты вознеслась в

небесную обитель и, надеюсь, вкушаешь вечное заслуженное на земле блаженство; в непроглядной дали тебе не до наших земных дел, объятия небес тебе оказались ближе, и ты так рано покинула меня». Слезы медленно катились по Жениному лицу, как роса по цветку.

«Господи, да что ж это я? Совсем расклеилась. А врач сказал, что нервничать нельзя. Только разве это возможно?»

И тем не менее, Евгения мысленно усовестила себя, переводя свой взгляд вниз. Рассеянная темень, несмотря на освещённость, рождала причудливые силуэты городской улицы. Деревья «окудрявились» хлопьями непрерывно идущего снега, и дорога белелась неяркими мерцающими пятнами.

Да, темнота в городе иная, чем, скажем, в поле или на селе. Кажется, что темнота – это довольно просто: солнце заходит, и небо темнеет. Но с ней всё гораздо сложнее. На самом деле существует даже особая шкала, разработанная специально для того, чтобы измерять разные степени темноты. Шкала Бортле для оценки степени темноты неба была создана в 2001-м году, и измеряет темноту неба в пределах от 1 до 9. В деревне она характеризуется третьим показателем, на границе пригорода и села – четвёртым, в пригороде – пятым и шестым, на границе города и пригородных районов – седьмым. И только восьмой и девятый показатель характеризует степень темноты неба в городе.

По-настоящему тёмные небеса, вроде тех, что вдохновляли поэтов Древней Греции – Гомера, Ксенофана или Фла-

вия, Сапфо и Коринны, – тех, что нависали над библейскими городами, – исчезают. Чем больше строится домов, городов и пригородов, тем выше уровень светового загрязнения, и тем светлее становится небо.

Международная Ассоциация Тёмного Неба пытается сохранить темноту первого типа, способствуя распространению светильников, фонарей, излучающих рассеянный свет и сводящих световое загрязнение к минимуму.

Вот и сейчас темнота не справлялась с освещением улиц, с мигающими лампами, неоновым светом витрин, с неясным рокотом неспящего города, негромким шелестом мягких колёс по шоссе.

Она не мешала белому снегу таинственно лучиться какой-то светлой прорезью в больничном саду, выплывающей из самого мрака. Должно быть, это был счастливый вздох светила, луч солнца, прокраившийся, как змеёныш, сквозь сгрудившиеся облака. Словно небо знало, что жажда солнца в людях никогда не убывает. Эта мерцающая полоска то вспыхивала, пронизывая внезапным проблеском мрак, то так же мгновенно умирала, поглощённая им.

*

Выйдя через месяц из больницы, Ткачева пришла за расчётом. У дверей кабинета Ордынского встретила новую сотрудницу. Казалось, тень изысканной чеховской дамы её удочерила: стройна, молода, бархатный взгляд, словом, блеск молодости. «Однако, губа у Павла не дура», – мелькнуло в

голове.

– Приятно познакомиться, – сказала новенькая. – Шеф много чего хорошего о вас говорил.

Странное дело: пара фраз, а первого впечатления, как и не бывало. Оно ускользнуло, впустив в женино восприятие брюсовский женский портрет:

*Что я могу припомнить? Ясность глаз
И детский облик, ласково-понурий,*

Когда сидит она, в вечерний час,

За ворохом шуриющей корректуры...

– Спасибо. Вы только не позволяйте ему превратить вас в выжатый лимон. Он потом вас выбросит с работы за ненадобностью.

«Странно, что она такое говорит?» – подумала новая сотрудница, а вслух спросила:

– При чем здесь выжатый лимон?

– При том.

– Хм, я же не фрукт, тем более, не лимон...

– Вы загляните в толковые словари. Это, когда человек лишается духа, как говорится, душа в теле – еле-еле; когда жизненные силы из тебя выжимают до края. Без этого Ордынский жить не сможет. С ним – работа на износ. Каждый

день как двойник другого,— без продыха.

Замысел

Сбросив с себя пресс-секретарскую мантию, Евгения вернулась в свою прежнюю редакцию и уже через год опять её возглавила. Статус в журналистике ей достался дорогой ценой, и с этой работой было нелегко надолго расстаться.

Физическая слабость иногда ещё ощущалась. Вначале ей казалось, что она не больная, но... и не здоровая, что это депрессия, или нет – не депрессия. Постепенно с уменьшением эмоциональной нервной нагрузки, прошла апатия, хотелось жить, быть с людьми и писать о них.

Как-то в кабинете Главного редактора газеты раздался звонок:

– Алло, Ткачева, здравствуй! Узнаешь? Нужна помощь.

– Какая?

– Да что-то мой референт напутала, а я не посмотрел и выложил все это на республиканском совещании. Теперь министр требует объяснительную. Помоги написать, а? По-тка-

чѐвски, как ты умеешь.

– А ты не изменился. Больницу помнишь? И разговор о соках тоже? Так что утоляй свою жажду где-нибудь в другом месте.

А примерно через месяц газеты сообщили об освобождении Ордынского с занимаемой должности.

Читая об этом, робкая поступь улыбки шевельнула губы: «И на кого и на что я потратила десять лет?! Бог ты мой!.. Может, написать об этом?» Она не раз поневоле соблазнялась мыслью подвести итог своей творческой жизни. Её статей, очерков не счесть; это и публицистика, и поэзия, и проза; вместе с ними она пережила несусветную толкотню света и мрака, зла и добра, признания и забвения. Её мысли всегда были свежими, своими, не взятыми напрокат. Возникли они из жизни, были конкретны и реалистичны.

Реакция на её материалы была неоднозначной: хозяевам был нужен мѐд, но дѐгтя-то в жизни с каждым днѐм прибавлялось; глаза свои девать некуда, разве что, куда глаза глядят, – не умолчать. Её интересовала истина, а не условности и приличия. Поэтому поддакивания моде, тем более, угождения, не было.

Не будет этой пошлости и на этот раз. Ведь картину жизни никому не известного журналиста, чей труд на протяжении многих лет использовался другими, можно составить не из прописных привычных или громких политических, обще-

ственно значимых дел, а хотя бы из тех осколков переживаний и впечатлений, которые были известны только ей. Со всем даже не поздно создать такое, пусть и мозаичное, плотно.

В годы, условно говоря, сбора урожая, – ей уже за сорок, – её жизненная нива всё ещё не отдыхает, ей есть что сказать своим читателям. «Значит, идея! Вот возьму и напишу. Повесть. Только не надо пережёвывать обыденное, мелочное. Книга должна удивить читателя прозрением, светом. Каким посылом? Любым из этой истории, из других таких же реальных сюжетов, – лишь бы он удивился. Ещё древние учили: удивление – начало рассуждения, мудрости, без него любая сентенция, претендующая на философию, мертва и несостоятельна».

Эти мысли дёргали её за слегка изогнутые брови, казалось, даже играли на уже заметных морщинках лица, словно перебирали на каких-то клавишах. «Явленная тайна» человека – загадка из загадок. К ней она также относилась.

Выйдя из здания редакции, Евгения возвращалась с работы усталая, смотрела на людей и не видела их лиц. Всегда торопливые, озабоченные только собой и своими мыслями, они толкали ее, – кто слева, кто справа, – кто-то неловко извинялся, а другой выказывал свое неудовольствие:

– Скорее бы шли, не видите, сколько народу тут?!

– Да-да, конечно. Извините, – машинально отвечала.

Визитка

– Ткачева, Женька?! Это ты?! Бог мой, сколько лет, сколько зим!

Евгения подняла глаза. Перед ней стоял ее бывший сокурсник Толя Черняев. Но не только сокурсник. Да, это был он, тот, кем она грезила все студенческие годы... Растерялась. Как давно это было!

Время своё взяло: её бывшие отношения с Анатолием, всегда сохраняющие грозную напряжённость, нынче ей казались калейдоскопом с синтезом цветовых контрастов настроения, этакой красочной запевкой неуловимого обмана. Исчезла сказочность взглядов, интонаций, наконец, даже внешнего вида, в небытие ушла жажда невыцветающих красок чувства, того сюжета, который ей казался прочным и устойчивым.

Прошлая жизнь, давившая некогда душу, уже вылезла из скорлупы мнимой любви и согревалась теплом и ответственностью взрослости. Из всей мелодии чувств этого романа нетронутым, как ни странно, остался лейтмотив веры в любовь. Этот аккорд не только сохранился, но и не позволил

вспенить в её душе неверие в возможность чистого чувства. Да уж, как говорил Гёте, "Пусть никто не думает, что может преодолеть первые впечатления своей юности".

Сейчас перед ней стоял уже совсем не тот юноша, причудливая игра линий лица которого когда-то внушала ей какое-то притягательное сладостное таинство. Женя увидела перед собой почти незнакомого сорокалетнего мужчину. Знакомые обозначенные черты лица резко обострились. Хотя... Всё те же глубоко посаженные синие глаза, та же заманчивая улыбка, та же томная прелесть взгляда заставляла верить в глубину его мысли и придавала значительность самым ничтожным его словам. И всё равно выражение лица напоминало, что Анатолию присущи, как и прежде, всё те же изощрённые пороки.

И, если он и не совершил чего-то неблагоприятного, то только из трусости.

Спустя два десятилетия женщина об этом уже знала наверняка.

Слава Богу,— тогда Евгения справилась со своим первым трепетным чувством, зная, что Анатолий обручен с ее лучшей подругой Люсей Галициной.

В браке с Люсей он повел себя более чем трусливо. Когда та забеременела, с ним случилась истерика.

— Нам рано еще обзаводиться детьми,— кричал в ссорах.— Карьера полетит вверх тормашками!

А, узнав, что у них будет двойня, сделал все возможное,

чтобы уйти из семьи.

Мужчина осторожно взял Евгению под локоть, и они отошли в сторонку от непрерывающегося потока людей, спускающихся по эскалатору в метро.

– Ну, привет. Рад тебя встретить. Говорят, ты замуж вышла?

– Вышла,– как-то растерянно отвечала Евгения своему собеседнику.– Да и ты, я знаю, долго в холостяках после развода не ходил?! А когда первый раз женился, помнишь, как всем нам в группе цитировал какого-то шведа: "Земная похоть – что дым: рассеялась, и нет ее. А верность – что табачная жвачка: жуешь ее, жуешь, и никакой сигары тебе не надо"? А оказалось, что тебе как раз она и нужна была.

– Да, и не говори, думал бобылем поживу, но не тут-то было, заарканили меня.

– Так-таки и заарканили?

– Ну, как тебе сказать? Ты же помнишь: Люська была гордая, несговорчивая, не понимала, что мне расти надо.

– И как, вырос?

– А ты разве не знаешь? Ну, не узнаю тебя. Ты обо мне всегда все знала. Босс – мой тесть, а я у него заместитель. У самого Президента, представляешь?

– Президента чего?

– Концерна, конечно. Я тут в метро случайно оказался, сама понимаешь, не мой это вид транспорта; друга детства

должен был встретить, но, кажется, он не приехал. Зато тебя вот увидел. Давай поднимемся наверх. Наш офис недалеко, тут же, в центре.

– Ты знаешь, устала я. После работы уже ничего не хочется. За день так наговоришься, что только о молчанке и думаешь.

– Ну, да, ты же, я слышал, защитилась, в "универе" преподаешь?

– Да, каждый день по две-три пары было. Но это в прошлом. Потом ушла в журналистику, вузовский диплом оправдывать.

– Сочувствую. Не лёгкий хлеб. Тогда тем более: тебе нужно расслабиться. Освежимся глотком кофе, рюмашкой коньячку, лимончиком. Пошли.

– Прости, Толя, мне нужно домой.

– Тогда знаешь что?– засуетился Анатолий.– Вот тебе моя визитка. Видишь, эксклюзивный дизайн, тиснение фольгой... Нравится? Будешь всем показывать и хвастать, что знакома со мной.

Евгения чуть не поперхнулась от этих слов. Почувствовав какую-то душевную надорванность, лишившую её равновесия, съязвила:

– А, может, стыдиться? – Нет, спасибо, вряд ли мне придется с тобой контактировать.

Анатолий явно не ожидал такого возражения. Слегка опешил.

– Мало ли что в жизни может понадобиться... Возьми...

– Счастливо оставаться,– Женя порывисто побежала к электропоезду.

А уже через минуту он уносил ее от мужчины, растерянно протягивающего куда-то в пространство свою визитку.

На грани вдохновения, или когда поёт соловей...

Выйдя из метро, Евгения вдруг почувствовала не столько досаду от встречи с Анатолием Черняевым, холод, сколько... желание поскорее сесть за клавиатуру. Пишущие люди знают, что это такое. Когда в тебе рождается замысел и видятся контуры будущего сочинения. Мозг наполняется до краёв, и ты во что бы то ни стало, должен «розродиться». Мысленно это желание обступило её своими рамками, протянулось под подошвами грязно-солёного переулка по пути к дому, и она уже понимала, что попала в него, как в мышеловку.

«Нет, по заказу книга не получится. Её прожить надо, выносить! А разве я её не прожила? Этого мало? А если этот труд пойдёт насмарку? Огорчить человека легко – сказать, что книга никуда не годится и того легче; но зачем её тогда писать? ..».

Сомнения, сомнения...

Но ей уже не уйти из этой темы: она жила с ней и внутри неё. Замысел пляшет, как говорится, далеко не от печки, а

от тех людей, о которых Женя писала и жила их жизнью. Да, ей нужно соединить эти разные жизни в единую жизнь журналистки, практически профессионально продающую свою цельность, свою любовь к людям.

Идея написать книгу уже гнездится в мозгу, клубится вокруг идущей вдоль зданий женщины, ничего не замечающей вокруг. Глаза в одночасье потеряли зацепистость. Её истосковавшийся по творчеству мозг уже наметил и сконцентрировал будущие образы, всячески оберегая мысли, которые готовы не на шутку «расшагаться», протиснуться сквозь воображение и диктаторски потоптаться на клавиатуре. О... А тогда только начни ворошить эту кучу, потяни за нить, и, если она не превратится в спутанный клубок, какая пляска сюжетов раскроется, позавидовать можно.

«Во мне, безусловно, есть какая-то пассивность. Что меня останавливает? Да, ничего! Я уже впустила в себя все истории, о которых хочу рассказать». И эти выводы яви её творческого озарения уже не хотели спорить с логикой. У неё не было честолюбия, неотлучного от характера многих сочинителей. Но и нюней она не была, зная себе цену: честный прямой человек, не без гордости в душе, умеющий радоваться успехам других.

Там, где дворники не поленились почистить тротуар, она

шла, отступивая пунктир шагов, представляя его тянущейся сплошной линией вплоть до входа в дом.

И всё же внутренний голос не успокаивался: «Не спеши, достань из своей памяти те истории, которые были полны ощущения поэтической сущности жизни даже в тех ее проявлениях, где, казалось, не было места поэзии; дождись «своего соловья», его пения. Читатель должен почувствовать, что автор – художник, а не жонглёр словами».

Она это знала. И в её творческий сад должен прилететь соловей её души!

*

Как там у Басё?

Ива склонилась и спит.

И кажется мне, соловей на ветке -

Это ее душа.

Может, этот зуд написать светлую книгу и свидетельствует о том, что её соловей уже на пути к ней? К ней ли?

Ведь известно, что этот певчий кудесник в природе никогда не сядет на отжившее дерево или на сухой куст. Ему нужен чарующий шепот листвы, ее благоухание и уют.

И он ни за что не станет петь на глазах у всех, выставляя себя на всеобщее обозрение. В этом скрыта его природная истинная скромность.

«А что уготовили ему мы, люди, в наших духовных садах? – роились мысли в голове Евгении.– Сколько мертвых

ветвей мы уже удалили? И избавились ли от них вообще?!»

Конечно, кроме соловья-вдохновителя, есть и другие птицы. Например, ворона, – где угодно приземлится.

И хотя они могут встретиться в одном лесу или саду, даже на одних и тех же деревьях, все равно петь будут по-разному.

И дарить будут слушателям совсем несхожие мотивы.

Да и можно ли воронье карканье не то, что сравнить с соловьиным пением, а даже в приближении рассматривать в одном ряду с ним?!

О трелях соловья в поэзии издавна мечтали поэты-лирики. Недаром же покровителем имени Муза является Соловей.

На ум пришло поэтическое обращение Хорхе Луиса Борхеса «К соловью»:

*В какой тиши староанглийских роц
Или неисчерпаемого Рейна,
Какою ночью из моих ночей
Коснулся невозделанного слуха
Твойотягченный мифами напев,
О соловей Вергилия и персов?
Тебя до этого не слышал я,
Но наших жизней не разнять вовеки.
Ты означал скитающийся дух
В старинной книге символов. Марино
Назвал тебя сиреною лесов.
Ты пел из тьмы встревоженной Джульетте,*

*Среди латинских путаных вокабул
И в сосняке другого соловья,
Полу-германца-полу-иудея,
С его печалью, пылом и смешком.
Тебя услышал Ките за всех живущих.
И нет ни одного среди имен,
Подаренных тебе, что не хотело б
Стать вровень с этою бессмертной трелью,
Певец ночей. Тебя магометанин
Вообразил кипящим от восторга,
Вздымая грудь, пронзенную ишпом
Тобой воспетой розы, обгаренной
Твоей предсмертной кровью. Век за веком
Ты длишь пустынным вечером свое
Занятие, певец песка и моря,
В самозабвенье, памяти и сказке
Горя в огне и с песней уходя.*

Не одно поколение писателей, музыкантов вдохновлял этот образ. Федора Стравинского, например. Именно пение этой маленькой птички подтолкнуло его к написанию оперы "Соловей" на основе одноименной сказки датского писателя Ганса Христиана Андерсена. А главный герой ирландского драматурга Оскара Уайльда в новелле "Соловей и Роза" на алтарь любви приносит в жертву свое пение и свою кровь.

Но не каждого, далеко не каждого, посещала и посещает

эта необыкновенная Муза.

Почему?

*

Созерцание должно родить вдохновение. Грань вдохновения... Где и в чем она?

Евгения вдруг вспомнила, что уже отвечала на этот вопрос в небольшом эссе.

Придя домой, едва раздевшись, включила компьютер и зашла в свой «творческий портфель».

-Ага, вот оно –

«

Грань вдохновения».

Начала читать: «Это чувственный вихрь загадочной непостижимости?

Может, тогда возникает, когда мысли о земном и малом отступают?

Или, когда кажется, что дар неведомых тебе высот, как брат?

И именно на этой грани ты можешь им жадно насладиться?

Но как возможно это? С Богом? В порывах Духа неземного?

Его взрастить в себе вначале надо! Что ж, породниться с ним, – удел не многих.

Как взлететь словом туда, где млечной дорогой рассечена Вечность?

Туда, где свет планет неведомо струится, и он свивается в Светило?

Там в выси распростерто зеркало чарующих Небес. Мы это знаем.

Оно зовет лукаво в безумстве яви жизни. Всегда одетое в лазурный плащ,

горящий под лучами Света. И смотрит, отражая наши лики, с пристрастьем Божьим.

И светлым днем, и в непрестанном ожиданье звездного полога, – повенчано с Землей.

Шлет на нее свои щедроты и льет по воле Божьей для нас живую сладость Бытия.

Да! Её глотая, странным стоном, несказанными восторгом и тоской, и отзывается Душа Поэта. Она зажигается, го-

рит, и расторгнутая сила её костра вдруг рождает Вдохновенье.

Сначала наступает грань его. Не осязаемая, не пойманная, обозначенная лишь

образом и его отраженьем. Успевай только,— лови!

Когда на ней стоишь, на этой грани, тогда-то и видишь в темных неприветливых абрисах нежно-жемчужные дали, и зеркало – в банальной луже после дождя».

*

Это правда. Не все могут стать на эту грань, понежиться в её образном свечении. Видимо, потому, что многие свой духовный сад, не содержат в чистоте и добре. В нем много "мертвячины", пустой "отсебятины". Он у них, у тех, кто паразитирует на чужом таланте и труде, по обыкновению, неопрятный и злой, желчный и недоброжелательный. А так хочется, чтобы Вдохновение – этот вечный Соловей – спутник Творца, всегда находился в нашем саду Добра и Света, чтобы любая веточка, которую он облюбывал, была бы упругой и живой, чтобы она любовно хранила его под звуки его же чарующих мелодий.

*

День уже клонился к вечеру; постепенно умолкал городской шум, сливаясь с последним, протяжным гулом колоко-

ла местного храма, чьи поднятые в небо головки светились неоновыми крестами; темнота вкрадчиво разливалась в бесконечном пространстве.

Евгения смотрела в монитор и уже, предаваясь мыслям о будущей книге и вдохновении, ничего не видела перед собой. В этих случаях работа ума не знает безработицы. Она знала, что сегодня ночью ей придётся поклониться едва ли не каждому прожитому дню и хорошенько пошарить мыслями в прошлом. Ведь в такие минуты ей не до сна. Поток давнишних, полу-утраченных воспоминаний проник ей в душу, и близкие сердцу образы представляли перед ней, как живые. Они и не давали покоя, связывая ощущения с их будущей художественной окраской. «Как достичь магии слова, чтобы достичь звучания текста, чтобы он не расплывался в мельтешении мелочей, в беспредметности?»

После нехитрого ужина Евгения приступила к работе. Мысли, прежде чем уснуть на высвеченном экране компьютера, долго и беспокойно толкались, борясь за первенство. Толпа, да и только.

Она знала, что её жизнь подобна экспедиции в разные сферы бытия, маршрут которой словно, был соткан для неё, – вначале ученицы – золотой медалистки, выпускницы вуза с красным дипломом, затем кандидата наук, педагога, журналиста, живописца, – из неписанных творческих профессиональных законов, неслышных тонких мелодий человеколюбия, из множества нравственных интонаций.

Её силой и одновременно слабостью была доброта, – не показушная, но такая, которой не хватало времени и рук, чтобы обнимать всех слабых, успокаивать разочаровавшихся, дарить всем нуждающимся. Её добрая забота о людях была беспорядочной, безудержной, требующей много энергии и воли, порой совсем непонятной для окружающих.

–Ну, что тебе,– больше всех надо?– порой слышала в свой адрес.

Но не могла ничего поделать с собой. Отзывалась на людскую боль. Любая боль ведь вездесуща: и в логове зверя она тоже боль. Унять её – задача человечья. Евгения искренне сочувствовала тем, кто искал помощи. Видать с годами, её чуткое отношение к людям вскипятило в сердце справедливость, в нём постоянно рделась искра самопожертвования.

«Хорошо бы ничего не забыть, ведь столько всего накопилось»,– смотрела на ранее продуманный и сохранённый в файле план, фактически, оглавление будущей книги. Но всего не предусмотреть. Хотя часть материалов уже написаны, но, перечитывая их в который раз, Евгения продолжает творчески их переживать, шлифовать, изумлять своих персонажей какими-то новыми подходами, советоваться с ними, словно они были живыми. «Вы мне здесь, Андрей Петрович, не шалите, да, да, обниматься с Вами будем в конце очерка, ну, мало ли что,– название?! Ведь название несёт на себе смысловую нагрузку всей истории, аккумулирует авторский замысел и, конечно, интригует читателя. Поэтому так

и оставим».

Обнимаю

Мало ли какие письма приходили в редакцию еженедельника! Самые разные: от восторженных до разоблачительных, от добрых до злых и т.п. Прежде, чем написать какой-то очерк, ей надо было вжиться в каждую историю. Однажды среди нескольких десятков этих посланий Главный редактор обратила внимание на измятый пожелтевший конверт. Подписан он был, как ни странно, химическим карандашом. Первое прочтение оставило журналистку в недоумении: сумбур каких-то переживаний, обо всем, и, вроде, ни о чем конкретно. Только вчитавшись внимательнее, становилось понятным: человек на краю, он мечется, ему одиноко, обидно. Нет, у него – семья, проживает не один. Но, оказавшись инвалидом, не понятым и не воспринятым, он утратил интерес к жизни, и вот-вот предпримет то, о чем и сам открыто боится говорить. "Я не слюняй, поймите. Пишу вам в ответ на статью Е.Ткачевой о добре и зле в нашей жизни. Я никому не нужен, – писал он, – разве что дети еще нуждаются в моей, немалой по сельским меркам, пенсии военнослужащего. Одиночество души – это страшная вещь! Я мыкаюсь с ней и

туда, и сюда, но никому нет дела до того, что там в ней творится. Никто не знает, многого не знает обо мне...

Я прожил трудную жизнь. Кадровый офицер. объездил всю страну, которой сегодня нет, но которой отдал все свои силы. Знаю цену трудовой копейке с детства. Родился и вырос в многодетной семье в деревне. Потому, уйдя в запас, и поселился на старости в родных краях. И дружбу познал, и измену, и любовь, и равнодушие, и боль и радость. Трагедия-то в том, что полгода назад по чистой случайности я потерял обе ноги. Передвигаюсь на коляске. И, Боже мой, как же я уже всем надоел! Близкие измучились. И мне жизни нет... Я стал неполноценным в этой жизни. И ничего хорошего меня уже не ждет. Я стар и одинок со всеми своими мыслями. После активной насыщенной жизни я превратился в кусок бревна, причем трухлявого и отжившего. Тогда вопрос: зачем жить? Вы мне можете ответить?! Смысл потерял... Помните?

« Как больно, милая, как странно,

Сроднясь в земле, сплетясь ветвями-

Как больно, милая, как странно

Раздваиваться под пилой.

Не зарастет на сердце рана,

Прольется чистыми слезами,

Не зарастет на сердце рана -

Прольется пламенной смолой».

И дальше всё в том же духе.

Мелкий прыгающий почерк, то выделяющийся, то совсем незаметный, неровные строки,— все это давало представление о напряженном эмоциональном состоянии автора.

К удивлению сотрудников Е.Ткачева, зарегистрировав, оставила это письмо у себя. Что-то неуловимое и необъяснимое взволновало ее в судьбе автора.

"Мало ли что там дома,— думалось,— а вдруг..." На ум приходило самое страшное. Как помочь?! Как?!»

И на следующий день, от руки, написала автору письма. Ее ответ был теплым. Нет, не сочувствующим. Просто человеческим, рассеивающим отчаянье, отодвигающим душевную боль, вселяющим надежду.

"Милый, дорогой, Андрей Петрович! Растревожили Вы мою душу. Теперь она болит и у меня. Значит, Ваша боль уменьшилась в два раза. Да, жизнь непредсказуема, как и поступки наши. Но до чего же она хороша, эта негодница! Вот была я с мужем в выходные на рыбалке. Красотища-то какая! Утренняя тишина, ничто не шелохнется. Перед тобой

озерное зеркало. И полгектара живого дна. Трогаешь воду ладонью: свежа, колюча и беспризорно холодна. Умоешься. Изумляешься: какое хранилище жизни! И

плетется твоя душа вслед за зовом первозданной красоты, скитается по побережью, по лугу, прядет свои причудливые образы в облаках, и ты в эти минуты понимаешь, что это благо – просто жить, просто все это видеть, созерцать, врачевать прозу бытийную этим неземным колоритом. Мы в редакции были рады Вашему письму, оно оттуда – из самой что ни на есть действительности. Оно – такое грустное и тревожное – пролилось отрезвляющим бальзамом на нашу повседневную занятость, суету, вернуло нас в святая-святых – осознание цены жизни.

И как бы трудно Вам сейчас ни было, поймите: жизнь бесценна! В любом ее проявлении, в борении или смирении, в страдании или радости. Я Вас нежно обнимаю. И рассчитываю на взаимопонимание. Ваша Евгения Ткачева, Главный редактор еженедельника "Народная справедливость...».

Ответа в редакцию не последовало.

Но, находясь по долгу службы в этом районе области, Евгения попросила коллег съездить с ней в село, где проживал Андрей Петрович. И как же ей было радостно, когда во дворе сельской школы она увидела инвалидную коляску, окруженную детворой.

Мужчина раздавал детям нехитрые деревянные поделки-свистульки и смеялся вместе с ними.

Позже, когда встретились и разговорились, Андрей Петрович доверчиво поделился:

– Я ведь и впрямь хотел наложить на себя руки. Но меня спасло

ваше письмо. Я храню его до сих пор. Оно читано-перечитано до

дыр. Оно спасает. За "милый", "дорогой", "обнимаю", за нежность Вашу – низкий поклон. Мы ведь здесь, да и везде, не упиваемся лаской, забываем, что она вообще существует. А ведь это и греет душу. Я теперь вместо "до свидания" всем говорю "обнимаю". Эти слова – настоящие паутинки человечности. Их нужно лелеять. Иначе дунешь сильно,дохнешь невпопад – оборвутся, даже от невзначай обидного брошенного слова. Потом не свяжешь...

– Значит, рана отчаянья в прошлом? Вы помните, цитировали в письме стихи Александра Кочеткова? А ведь там и продолжение есть, стихотворение длинное...

– Я все слова знаю. И если бы писал сейчас, то цитировал бы другие строки, те, что внучке нравятся, жизнеутверждающие.

Пришло время прощаться.

– Ну, что ж, счастья Вам и радости!

– Э, нет, а где же "обнимаю"?

Женя нежно обняла сидящего в коляске Андрея Петровича. А про себя подумала:

– А ведь этого объятия могло и не быть...

*

В последнее время Евгения стала замечать за собой странную вещь: не успеет возникнуть какая-то проблема, как она обнаруживает, что эта или другая тема ей уже знакома, причём, из самых разных областей. Всё же работать в журналистике архи-интересно. Эта работа сложна, ветвиста и пестра. Видимо, так её и можно обозначить. Необъятный круг вопросов, с которыми сталкивает тебя эта профессия, становится реальной пищей для сочинительства. Автору не надо ничего придумывать, ибо в этом случае главным выдумщиком становится сама жизнь. Та, которая подтверждает фразу «нарочно не придумаешь».

« Так и напишу в книге. Хватит на сегодня.— С утра совещание в администрации. Надо выспаться. Завтра прочитаю, как я тут «живописала» свои мысли. Уж не много ли деталей?»

Она же не виновата, что для неё не было не только скучных вещей, но и обстоятельств, их породивших. У неё было свойство видеть в обыденных ситуациях те коллизии и черты, что всегда ускользают от поверхностного или усталого взгляда. Её авторское зрение было всё же зорким. К тому же она ещё знала, что, например, можно одной фразой, даже словом, обозначить внутреннее содержание человека, своеобразие его отношения к миру. Обожая прозу А.П.Чехова, она училась в обычном, будничном, простом открывать черты необыкновенного, что и делает писателя подлинным ху-

ДОЖНИКОМ.

И всё же подробностями, деталями не стоит злоупотреблять.

Произведение, обремененное подробностями, всегда несёт впечатление насилия, совершаемого над душой человека, или это не так? И так, и не этак. Деталь должна стоять на своём месте. Если же она прицеплена не органикой, а волей автора, взболтает взвесь смысла, и попробуй тогда уличи его в неверности.

*

Незаметно, сопровождаемая эстафетным ритмом букв на клавиатуре, наступила полночь. В эти часы отдохновения природы в воздухе разливались все запахи земли. Ранние весенние цветы под её окнами уже струили свой нежный тонкий аромат. Медленные дуновения ветра заносили в открытое окно всю свежесть ночного воздуха.

Во сне она видела, как плакала Луна, чувствовала, как ветер свистел и плевался в стёкла окон. Лунный диск был исчерчен бороздками слёз, она, протянув руки, их собирала, горячие и золотящиеся. Присмотревшись, в ладонях заметила клавиши, издающие необыкновенные звуки, несущие несказанную радость...

Проснувшись, посмотрела на часы: начало шестого. Хотелось вернуться в объятия той музыки из сна, но не получилось. Хотя оставалась в восторженном состоянии, мысленно уносясь неведомо куда.

Евгения умудрилась к утру даже выспаться. Хотя спала-то всего ничего – часов пять. Быстро приведя себя в порядок, выпив привычную чашку кофе с молоком, почти выбежала из дома. Заметила при этом у крыльца белые головки ранних подснежников. «Весна...». Было заметно, что солнце то протягивало наружу, то втягивало в себя свои лучи; краски то дремали, то просыпались; линии то бежали, то останавливались. Вокруг почти ободняло.

Вначале – в редакцию. К одиннадцати – на совещание.

Признание

В кабинет Главного редактора постучали.

– Можно. Заходите, – не отрываясь от просматриваемого текста, разрешила Евгения Ткачева.

– Можно? – робко просунулась в проеме открываемой двери девичья голова.

– Можно, можно.

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – отозвалась редактор. – С чем пожаловали?

Перед ней стояла девушка лет шестнадцати, вся конопатая какая-то. Даже светлое платье в коричневый горошек как-то органично дополняло ее образ. Лицо было юное, скуластое, глаза необыкновенного огня, голубые, огромные. Кажалось, что солнышко над ней подшутило, окрасив волосы в ярко-рыжий цвет и разбросав по лицу множество темно-золотистых пятнышек. Девушка была налита до краев молодостью и невысказанным задором. Взгляд пытливый. В руках она держала свернутые в трубочку листы бумаги.

– Проходи, садись. Смелее, с чем пришла? Рассказывай.

– С "Признанием"...

– Что?! С каким еще таким признанием?

– В любви,– лицо посетительницы стыдливо залилось румянцем, словно маков цвет.

– В любви? И кому же?– уже не без интереса спрашивала журналистка.

– Вам и всем.

– Мне?! Батюшки мои! Такого еще не было! Ты же меня совсем не знаешь!

– Вы не так поняли. Вот возьмите. Я написала статью в газету и прошу, чтобы ее напечатали. Она так и называется "Признание". Я тут всем признаюсь в любви.

– Интересно. Ты еще школьница?

Золотистые волосы, ресницы, сияющие, как лучики света, и окруженные этими ресницами беспокойные глаза, казалось, отвечали вместо неё.

– В десятом классе учусь. Хочу стать журналистом.

– Вот оно что. Ну, давай, посмотрю, что там у тебя.

Взяв из рук девушки листы бумаги, Евгения расправила их и, пробежав глазами первые строки, внутренне почувствовала "вкус". Профессионалы поймут, о чем идет речь, когда первая же строка тебе говорит об авторе, его искренности, когда появляется

ощущение, что слово в тексте живет, оно не мертвое, в нём есть температура.

Пока она читала, девчонка не сводила с редактора глаз,

словно хотела по лицу прочесть уготованное ей решение.

– Как тебя зовут?

– Лена.

– Вот что, Елена, пойдй к секретарю и зарегистрируй свою работу.

– А потом вам занести ее?

– Нет, оставь у секретаря. Я распоряжусь, что и как.

– Значит, Вы напечатаете?– обрадовалась девушка.

– С материалом будут работать журналисты из отдела писем... У нас там рубрика есть "Творчество наших читателей". Сейчас я тебе ничего конкретного не скажу. Возьми в приемной визитку редакции и позвони дня через два-три.

– Спасибо.

– Пока не за что.

Когда дверь за посетительницей закрылась, Евгения задумалась. Почему-то вспомнила себя, когда вот такой же девушкой пробовала писать рассказы, даже рассылала их в редакции, как огорчалась от отписок и отказов, как обрадовалась первой публикации...

«Нет, что-то в этом необычном "Признании" есть, ведь всколыхнуло внутри, не могу отвязаться. Но что?! Наивный роздых мысли?».

Евгения встала из-за стола. Утро, теряя свой смысл, явно заканчивалось. За окном царила светлая бледность. Казалось, она замерла, прислушиваясь к начинающемуся дневному смятению жизни. Город уже почти не светился, огни

не танцевали, и, в основном, все были погашены. Наступил один из обычных дней, тех, что равен другим, равнодушный и безотрадный к людям, стремящийся поддерживать равновесие в природе, подобно одинокому кленовому листу, палящему под легкими дуновениями ветерка над головой.

– Дзинь,– дала о себе знать синичка. Ей радостно откликнулась другая; и зазвенели две струны... Ворона, откуда ни возьмись, вклинилась в их песню и осипло каркнула, будто подавилась.

Редактор набрала номер секретаря и спросила:

– Слушай, Виктория, эта девушка уже ушла? А ну-ка принеси мне ее материал, я еще раз посмотрю...

Листы были исписаны убористым, уже устоявшимся почерком.

Итак, "Признание":

"Когда я утром проснулась, посмотрела в окно, со мной поздоровался лучик Солнца.

– Привет!– сказала я ему.– Подмигиваешь, да? Нравлюсь? И ты мне, – очень-очень. Я люблю тебя. Приходи ко мне каждый день!

Ой, дурёха, что же я наделала? Сама первой призналась тебе в любви. А бабушка говорит, что девушки не должны признаваться в своих чувствах первыми ребятам. Нескром-

но это. Но мы никому не скажем. Ладно? Призналась и призналась. Люблю, люблю, люблю... А когда возникла любовь? Кто-нибудь знает?! Этого никто и никогда не узнает! Уже сколько тысячелетий, а ответа все нет. Может, мы с тобой, Лучик, его найдем? Люди либо любят друг друга, либо нет, и порой любовь возникает между теми, кому не надо бы любить друг друга... Что значит "надо" и "не надо"? Кто это устанавливает? Ты знаешь? Я не знаю. Ну, вот, опять вопросы без ответов... Лучик, родной, я сейчас распахну окно, ты не исчезнешь? Какая картинка! Человек – украшение Вселенной?! Он – лучшее золото?! Нет и нет! Лучшее – это Солнце! Вот оно вошло в мое сердце, такое неподдельно радостное, счастливое, лучезарное, и утренней сонливости как и не бывало! А утро, какое утро! Ясное и звонкое! А сад?! Ничего, что старые, а вон, гляди, деревья водят хоровод, обманывают скользкой близостью какого-то просвета вдали. И этому не мешает кров, сплетенный мохнатыми ветвями яблонь и вишен. Наоборот, создает таинственность.

Я чувствую, слышите, чувствую, как все мое нутро наполняется душистой прохладой, настоящей за ночь на всех запахах, кружащих в саду. Жизнь! Я люблю тебя! Лучик, не исчезай! Ты мне нужен! Ой, что это? Отчего пылают мои щеки и бьется сердце,

отчего дыхание мое так глубоко и радостно?! Пусть я рыжая, конопатая, для всех некрасивая. Господи, только для одного Его дай мне веры в то, что я самая красивая. Говорят,

есть тридцать восемь ощущений, вызываемых прикосновением руки...

Но, когда Он взял мою руку в свою, их было сонм! Не передаваемых, Божественных, несказанных, освященных нашим тревожным молчанием. Какие это минуты! Их кто-нибудь в состоянии описать?! Не нужно слов, не нужно слов, потому что это и есть любовь! Лучик, ты не ревнуешь? Не надо! Ведь Он – это Ты, это все, что мне дорого на этой земле. Значит, я все люблю! И в этом мое признание! Елена Бородина".

*

Закончив читать, Евгения задумалась. «Все простенько?! Сюжета нет. Тема избитая. Но, что же "цепляет"? – рассуждала про себя.– Вот, есть: чистота, Свет. Перводанная эмоция. Неподдельное чувство. Это не напев будущего, а счастье на заре жизни, такое, каким оно видится в юности. Слова настежь.

И, если уж растревоженный вдохновением мозг их выдал наружу, пусть идут по ощущению, куда хотят, может, зацепят кого-нибудь, поймают на крюк... Они ведь искренние.

Она знала, что читатель – это человек, которому боишься солгать, потому что он своим насторожившимся, как бы из темноты нацелившимся взором киллера, следит за каждой авторской попыткой уклониться от правды. Но Елене не нужно было это знание: её искренность естественна и органична, мила, как благоухающий цветок. Это могла себе поз-

ВОЛИТЬ ТОЛЬКО ЮНОСТЬ.

Начало

Евгения вспомнила своё сочинение на свободную тему в девятом классе. Разве оно не о том же? Помнится, тоже была влюблена, но по её юношеским понятиям он её предал: на танцах приглашал другую. «Собственно, оно у меня как талисман, всегда с собой». Благодаря ему она и связала свою жизнь с журналистикой. Её педагог по русскому языку и литературе Ирина Васильевна Курчина похвалила тогда за него, сказав, что вот так и рождаются писатели. Так к ней и пристало это звание, сначала школьным прозвищем, а потом и состоявшимся по жизни статусом. Ведь её признали? Не официально? Ну, и что? Разве это сейчас имело для неё значение? Она знала наверняка, что всё, когда-либо ею сочинённое и опубликованное,— то ли в журналах, то ли в газетах,— прочитано, разве это не подарок автору? А отзывы?! Их можно уже в отдельную книгу собирать. Одно мнение Ивана Мефодиевича что значит?! Классик, настоящий прозаик и поэт. Его кондовыми стихами она зачитывается не меньше, чем поэзией Н.Рубцова.

Нет, Ткачёва, «писательницей» тебе и умереть придётся-

ся. Журналистом? И это недалеко от слов твоей провидицы-учительницы. «Что за мысли?— одёрнула себя Евгения. — Писать надо. На чём остановилась? Ах, да на своих «девятых» «Цветах». Может, и их включить в книгу? Почему бы и нет. Это же интересно, как рассуждали, о чём мечтали старшеклассники несколько десятилетий тому».

Евгения, открыв сейф, с нижней полочки взяла конверт и вытащила из него вчетверо сложенный изрядно пожелтевший лист. Улыбнулась и начала читать. Наивный простенький текст, стилистически не выдержанный, но какая богатая в нём иносказательность! Она ведь писала о любви, о своём видении женского счастья.

С.А.Демченко. Луговые цветы.

«Цветы»

«Ты представь. Извилистая, пыльная дорога. По ней шла девушка. Уставала, но шла. И светло было, – шла. И темно, – тоже шла. И всегда улыбалась. Дороге, дню, проходим. И несла с собой охапку цветов. Не знала, зачем так много и зачем несла. Многие задевали её, набивались в спутники.

Находились храбрецы и цветов просили. Отказывала. Берегла. Не знала, для кого. Но знала зачем. Так и шла. Однажды в безоблачный день, как-то совсем незаметно, её настиг парень. И очень ненавязчиво, умело предложил свою помощь. Не просил цветов, не льстил, он просто заметил букет, помог его нести. И так какое-то время они шли вместе. И, глядя на него со стороны, она подумала, что цветы к лицу ему, и даже она бы ему их подарила. Но не для того, чтобы всю дорогу идти рядом. (Это невозможно, уж очень разными были их дороги). А затем, чтобы оба были просто счастливы (как может быть счастлив рассвет или раннее утро, стебелёк ландыша или поющий жаворонок). И парень, казалось, чутко, принял подарок. Но затем, решив отблагодарить, вдруг резко прильнул к девушке и отпрянул, забыв, совсем забыв о цветах. Они послушно упали на дорогу и уныло остались на ней. А девушка... она стояла растерянная, недоумевающая, смотрела на удаляющуюся фигуру парня и ничего, ничего не понимала. Смотрела на неё, а видела цветы. Цветы в руках парня. И цветы, уныло погрузившиеся в зыбкую дорожную пыль. Взгляд блуждал, опять искал того спутника. Она бросилась было звать его, даже вернуть хотела. Окликнула. Ей издали что-то кричали, махали рукой, казалось даже, звали. Но девушка не пошла за ним. Не могла идти следом. Её удержали цветы, так бережно ранее хранимые, ни для кого недоступные доселе, оставшиеся сейчас лежать у ног девушки, как обиженные дети. Склонилась над ними. Подняла один

цветок, второй, третий. Цветы ещё жили. В пыли оставались только следы от стеблей. Смотря на них, думала: "Какие же вы тяжёлые, цветы, когда падаете в пыль". Собрав букет, девушка прильнула к нему и опять ощутила их тонкий аромат. Пусть не такой ощутимый, как раньше, но до боли родной, заявляющий о том, что цветы живы. Найдя воду, девушка заботливо напоила каждый стебелёк, расправила примятые лепестки, подставила их солнцу, и, о, диво, – ожил букет, он остался с ней. С ним опять пошла той же дорогой. И кто бы ни просил теперь, – не откликалась на просьбы, от помощи отказывалась. Берегла цветы. Не для себя. За них беспокоилась. Она знала, что им грозит быть втоптаннами в дорожную пыль или легко быть забытыми, как в тот раз... Берегите свои чувства!

*

Вот так, с этих «Цветов» и любви у неё начинались творчество и профессия.

Сегодня в её творческом портфеле есть много эссе о цветах, разных, целая серия, – о жасмине и сирени, о любистке и тюльпане, о розе и майорце, о маке и лесном колокольчике. Они не похожи на тот первый школьный наивный рассказ, в каждом из них своя мораль, свои идея и сюжетная линия, но их объединяет преклонение перед красотой и искренностью человеческих взаимоотношений, любовь к жизни и окружающему миру. А у Елены, возможно, они начнутся также из первой публикации – её «Признания».

«Поставим в воскресный номер», – решила редактор.

Так Елена Бородина и появилась в редакции, как она теперь любит говорить, своей «крёстной мамы»; заведует отделом писем.

Сюжет

После возвращения с совещания Евгения по привычке заглянула в рабочие кабинеты. «Тесновато всё же у нас. Дел прибавляется. А новых сотрудников не то, что пригласить,— посадить некуда».

– Евгения Петровна, к Вам пришли,— позвала секретарь Виктория.

– Сейчас приду. Пусть подождут.

Не мешкая, редактор поспешила в приёмную.

– Рада Вас видеть, Марина Львовна. Добрый день. Заходите,— Евгения пригласила гостью в свой кабинет.

Посетительница была довольно привлекательной. Её немного бледное лицо, слегка покрытое румянами, имело очертания, на которые жизненный опыт ещё не успел наложить своего отпечатка. Неопределённый, на первый взгляд, возраст загадочно соединял некоторую полноту форм с грацией и миловидностью ещё довольно молодой женщины.

– Слушаю Вас, Марина Львовна.

– Извините, что беспокою. Во-первых, огромное Вам спасибо за новеллу. Мы, близкие и друзья Ивана Мефодиевича,

узнали в ней каждый себя. Вы так прониклись этой историей! Я же Вам всё рассказывала вскользь, сбивчиво, нарушая всякую логику. До сих пор не понимаю, как это всё могло случиться. Господи, такой талантливый человек ушёл. Пусть земля ему будет пухом. Я пришла к Вам с банальной просьбой: не остались ли у Вас в редакции экземпляры газеты с новеллой? Мы как-то сразу не сообразили, купили по два экземпляра, но желающих оставить её себе на память оказалось много. Это и моя, и просьба родственников.

– Я распоряжусь. Наверное, несколько газет найдётся. В крайнем случае, есть подшивка, подшиваем по два экземпляра. Но вы подскажите друзьям, что прочитать газету можно ещё и на нашем сайте. Хотя, конечно, файл – это не бумага.

– Спасибо. Мой муж просил Вам передать, что с вашим приходом газета стала интереснее, главное, правдивее.

– Благодарю. Вернусь к Ивану Мефодиевичу. Светлая ему память. Я очень ценила его и многому у него научилась. Хотя лично была знакома только последние два года. Но книги его читала ещё студенткой. Рада, что моя новелла о нём вам понравилась. Мне кажется, что авторского домысла там самая малость. Это вам спасибо. Фактически, сами того не подозревая, вы мне подарили сюжет.

«Сюжет».

Марина Львовна познакомилась с ним на его авторском вечере. Спустя какое-то время они сблизились; подружились семьями.

Иван Мефодиевич – известный писатель-прозаик, лауреат многих престижных литературных премий, автор более десятка книг.

Рассказывать о себе не любил.

Поистине "издалека", пережив полосу сложных духовных исканий, преодолев множество заблуждений, он пришел к тем характерам, в которых был заключен его жизненный опыт.

В литературу он влился с грузом былых идеалов, иллюзий. Он ни к кому не подстраивался, не облегчал себе этот путь, а прошел его – и прожил – вместе со своими героями. По сути дела, в одну короткую жизнь, в одну его биографию уложилась нравственная работа десятилетий. Он знал, что является блестящим стилистом, мастером сюжета, что пишет искренне, находчиво. Пусть не изящно, но правдиво.

Величие и пошлость не раз затрагивали его эго, и, хотя он противился этой заразе, она подспудно где-то в нём ютилась. Общаясь с ней, он следил за собой, обнаруживая при этом большой такт, чтобы наружу не просачивалось его болезнен-

ное самолюбие.

Его многие корили за несносный характер, но он не мог понять, в чём заключена эта несносность. Ведь постоянно демонстрировал удивительно тонкое чувство меры, сознательно изгонял из своих речей всё напыщенное, высокомерное, которое могло бы резать ухо собеседнику.

Правда... правда что? Нарочитость рождала морализаторство, назидательный тон, и люди, приняв это за унижение, сторонились его. Притом, и матерное словцо мог употребить так, что мало не покажется.

Чем для него было творчество? Не поверите: успокоительным убежищем, бегством в себя. В нём он был тем, каким ему всегда хотелось быть. К сожалению, в реальной жизни ему это не всегда удавалось. Он много писал о русской женщине, любимой, матери. Всё там звучало светло, чисто. Он предлагал читателю неизбитую азбуку преклонения перед женщиной, в то время, как в своей семье пережёвывал всё обыденное: любовь по необходимости, бездетность супруги, удочерение сирот. Получалось, что он рисовал счастливые картины по-своему, в зависимости от того, чего был лишён в настоящем.

В его книгах коллизии были несколько иные, более благополучные, святящиеся любовью, состраданием, справедливостью, верой. Эти мотивы переплетены друг с другом самым тесным образом, бесчисленными кручёными нитями.

И хоть наука давалась поначалу ему трудно, он закончил литературный вуз. Вспоминал об этом периоде жизни нехотя, тем более, что память, как тот рваный трал, порой напрочь теряла улов, оставляя лишь какие-то ошмётки потрёпанной жизнью сети.

Его жена – скромная женщина, – в свое время работала секретарём в приемной Председателя Союза писателей республики.

Для Ивана Мефодиевича Татьяна Николаевна так и осталась секретарем, только многие годы – личным.

Прожили совместно более пятидесяти лет, воспитали троих детей. За плечами – сложная и трудная жизнь, годы послевоенной разрухи, восстановления страны. Об этом он талантливо и искренне рассказывал в своих книгах.

Несколько лет назад случилась беда: Татьяны Николаевны не стало. Иван Мефодиевич переживал эту трагедию очень остро: привык к ней, как само собой разумеющемуся обстоятельству. На какое-то время замкнулся в себе, ни с кем, кроме детей, не общался. Перебирая воспоминания, относящиеся к дням совместной жизни с женой, он погружался в прошлое, заново переживал былое, видел в нём нравственное чистилище и для себя, и для своего окружения. Но по прошествии пяти лет боль малость притупилась, а житейские будни настойчиво диктовали свои требования. И главное среди них: в доме должна появиться хозяйка. Он не мог оставаться один (дети жили в других городах), тем более, что

был совсем не приспособлен к "прозе" жизни, особенно к бытовому обустройству. Только где взять эту хозяйку в его-то возрасте? Как где? А Мариночка?

Найти бы к ней подход, не вызвать бы разочарования, всё же она учёный, философ. А он же всю жизнь путал материальное и идеальное, трансцендентное с трансцендетальным, дуализм и монизм, пантеизм с пандеизмом, Канта с Контом и т.п. Такой ряд бесконечен. И никакие Беки и Берки, Томасы и Бэконы, вбиваемые педагогами, словно тугие пыжи, в мозг, не держались в нём.

Иногда он ловил себя на мысли, что затея эта гиблая.

Как-то враз выледнялась безысходность. Она стучала к нему, как стук дятлова клюва о кору. Настроение, запрятанное в мысли, пробовало протестовать, но это была убийственная данность. Он понимал это, и как-то сипло и надорванно всегда шептал: "Жизнь прожита, чего уж тут, а она молода...».

Случилось так, что вдовец постоянно приглашал Марину Львовну на различные встречи, творческие вечера, – свои и друзей – поэтов, писателей, музыкантов. Мужскому самолюбию, определённо льстило, что его всегда сопровождала красивая, ухоженная, статная женщина, к тому же моложе почти на тридцать лет.

Уважая возраст Ивана Мефодиевича (ему к тому времени исполнилось семьдесят пять) и, осознавая, что находить-

ся рядом с ним и престижно, и почетно, и интересно, Марина Львовна никогда не отказывала ему и с удовольствием откликалась почти на все приглашения.

Однажды, возвращаясь с авторского вечера его друга-позна Басина, уже возле припаркованной возле театра машины Иван Мефодиевич неожиданно предложил своей спутнице поехать к нему домой. Распахнувшийся на минуту воротник пальто обнаружил его настороженное мужественное лицо, с длинной бородой и мрачно сдвинутыми густыми бровями. Борода, густая, блестящая и выхоленная, скрывала чересчур развитую нижнюю челюсть – признак решительности.

– Но уже поздно. Да и мой Алексей Петрович будет волноваться.

И вдруг обычно сдержанный Иван Мефодиевич заговорил на повышенных тонах, не минуя колкостей.

– Твой Петрович?! О чем ты?! Он же толстокожий у тебя! Не твой это человек, не твой!

– Скажете такое. Он мне дорог. Двадцать лет, как вместе. Вы же знаете.

– Ну, и что?! Многолетняя привязанность ещё ни о чём не говорит и тяжесть духовного одиночества не облегчает.

– А я не одинока, – смутилась Марина Львовна, но тут же запнулась.

– Не одинока она, – перебил с ухмылкой собеседник. – А чего же всё свободное время не проводишь со своим миленьким? Ты же закуталась в свой кокон и ждёшь превращения?

С кем? Тебя он не обогащает. Чиновник, он и есть чиновник. Ты же натура творческая.

Марине Львовне стало как-то не по себе. Настроение упало. Да и не ожидала она такого поворота в разговоре. Непривычен он. Грубить не хотелось, но и смолчать не могла.

– Извините, я ведь по дружбе хожу с Вами, из чувства уважения к Вам и Вашему возрасту...

Сказала и испугалась за свои же слова. Она ведь знала, что хотя Иван Мефодиевич и не жаловался на бремя лет, но тому эту не любил, считая вообще жизнь бесценной в любом возрасте.

Иван Мефодиевич как-то враз скукожился. Наступила пауза, за ней – вторая, третья, после чего он быстро вынул из внутреннего кармана куртки портмоне, машинально взял несколько купюр и резко буквально всунул их в руку растерянной женщины.

– Это вам, прелестная мадам, за потраченное время со мной. Мы в расчёте.

Резко открыл дверцу машины, сел за руль и... уехал.

Марина Львовна стояла какая-то отчужденная, ошарашенная случившимся. Затем, овладев собой, завела свою машину...

Она вспомнила Софокла:

«Из всех божьих даров высший дар –

Рассудительность, а стало быть, остерегайся

Оскорбить вечных богов. Гордыня,

*Тяжкими ранами расплатившись за дерзость,
С годами
Выучится благоразумию».*

«Буду благоразумной. Некрасиво вышло,— подумала.—
Завтра же объяснюсь».

А Иван Мефодиевич, почуввав kloкочущее биение сердца, остановил невдалеке машину и вышел на свежий воздух.

С мрачными мыслями он длил свою вынужденную прогулку. "И чего расстроился? Неужто влюблён? А поздняя любовь, она какая? Как-то пытался сформулировать: *"Ветер поздней любви расщепляет чувственную ветвь, рассекает мечтою небесную синь. Раскалывает судьбу или манит вождленным зовом.*

Украшает себя забытым словом. Говорит поэтической прозой. Сладость этого чувства всегда не вымерзшей розой в сердце болит".

"А ведь неплохо сказал,— тихо улыбнулся сам себе,— пора и домой, вроде, полегчало».

Всё как обычно: приехав, поставил машину в гараж.

Открыл входную дверь, поднялся на второй этаж, зашёл в квартиру, устало вздохнул, присев на стоящий у вешалки стульчик, вот так бы и не вставал. Одиночество всецело окучивало его, жены нет, никого нет здесь. Только приютившиеся на стене скромные ходики упрямо повторяли: тик-так-

так-то-так-так. Их озадаченное тиканье было знакомо хозяину ещё с юности, когда были живы родители. Сохраняет их как реликвию и память о том беззаботном времени. «Ну, что, дорогие, пора на покой?»— спросил сиплым голосом не то себя, не то ходики и, кряхтя, поднявшись, прошёл в ванную, затем на кухню. Есть не хотелось. А ведь надо! Все вон пугаются, мол, резко похудел, изменился. "Ха-ха, а ещё про любовь говорит. Нет, надо завтра обязательно объясниться с Мариной". На том и ушёл в свой рабочий кабинет.

Но этому «завтра» пока предшествовала ночь, какой-никакой сон. Марине Львовне привиделось, что, приехав к нему, позвонила в дверь.

Ей открыл хозяин квартиры. Встретил с улыбкой. Был в хорошем расположении духа.

— А, это вы, Марина Львовна, Мариночка, я знал, знал, что приедешь, проходи. Женщина зашла в прихожую.

Иван Мефодиевич привычно помог гостье снять пальто и провел в гостиную. Светлая комната, обставлена просто, но при том со вкусом; на стенах висели в большом числе фотографии, портреты, и витал вокруг них дух родственной любви; и повсюду бросались в глаза салфетки на мебели и разные поделки, вполне милые мелочи. Интересно, сколько их нужно хранить, чтобы не забыть хозяйку? И насколько они дороги хозяину? Вот эта, например, безделушка-статуэтка порхающей балерины... Повертела в руках. Да, она знала, что

покойница любила балет, замыкалась в нём, порой не хотела говорить ни о чём другом. Выйдя на пенсию, жила в отрешённости от своего времени, всецело посвящая себя дому и мужу. Да и сейчас у Марины Львовны возникало ощущение, что здесь каким-то необъяснимым образом таяло настоящее и возрождалось прошлое.

Гостья между тем заметила, что на столе стояла бутылка недопитого армянского коньяка, два бокала и пепельница, полная окурков... женских сигарет.

Поймав её любопытствующий взгляд, Иван Мефодиевич торопливо объяснил:

– Ах, да, вчера я привез домой молодую поэтессу, бывшую сокурсницу моего старшего сына. Ты ее не раз у нас видела. Ее не любила покойная Татьяна Николаевна.

– Что-то не припоминаю.

– Вспомни, такая яркая блондинка...

– Да-да, кажись, я видела ее как-то с поэтом Басиным.

Что? талантлива?

– Она так думает, – улыбнулся Иван Мефодиевич.

– И?..

– Да, ночевала у меня. Муж в командировке. Детей у них нет. Массаж мне сделала... Мы приятно провели время...

Марине Львовне не верилось, что перед нею Иван Мефодиевич. Казалось, это вовсе не тот уважаемый и почитаемый ею человек.

– И вы ей также заплатили, как и мне? Я целую ночь не

спала. Вы же унизили меня. Вот, возьмите ваши деньги. Как только вы могли ...— и, не закончив фразы, женщина заплакала.

— Я ведь с чистым сердцем к вам, а вы?

— Только не слезы, только не слезы,— засуетился Иван Мефодиевич.— Давай эти проклятые деньги. Вот-вот я порву их у тебя на глазах. Прости меня дурака старого, не знаю, что нашло. Обидно за себя стало. Ты этого не поймешь. Просто на такой, как ты, я бы хоть сегодня женился... Но ты же своего Петровича не бросишь? И не останешься у меня на ночь?

— Н-е-т,— все еще недоумевая, ответила женщина.

— Вот именно, а я бы на тебе женился. Понимаешь, есть женщины, способные завязать узелок в твоей судьбе, но большинство предлагают лишь нити, которые моментально рвутся, если за них потянуть в трудную минуту. Ты «узелковая».

Иван Мефодиевич подошел к Марине Львовне, обнял за плечи, поцеловал в щечку.

— Давай забудем, останемся друзьями. В следующий раз приходи со своим Петровичем. Завидую я ему. Ведь мне очень одиноко и тоскливо, словно душа осталась совсем без кожи. С тех пор, как ушла моя Татьяна Николаевна, я места себе не нахожу, и время не помогает. Ты вот взяла в руки статуэтку, и мне причудилась моя Танюша, она частенько её вертела в руках... Ну, как? мир? Помнишь, как у поэта:

"Мы не лукавили с тобой."

Мы просто шли.

У нас нет и зернышка

Неправды за собой".

Марина Львовна постепенно успокоилась, засобиравлась уходить.

– Не поминай лихом, – как-то неожиданно на прощание вырвалось у Ивана Мефодиевича.

Нечто тревожное и зловещее промелькнуло в её сознании, но тут же мгновенно это впечатление выветрилось.

Марина Львовна проснулась, а в ушах все еще звучало это «Не поминай лихом». Оно сейчас утром захватывало её столь властно, что должно было проистекать от какой-нибудь скрытой и веской причины. Она это чувствовала. Переживала. Будто какая-то злая сила намеренно ставила её в неясное положение, чтобы взвалить на её душу неизъяснимый грех.

– Алексей, – обуреваемая этими тяжёлыми думами, обратилась к мужу, – ты знаешь, – всю ночь разговаривала с Иваном Мефодиевичем. Просто целый сюжет приснился. Женился всю ночь. Уж не случилось ли чего с ним?

– А ты как с ним вчера рассталась? Он был здоров?

– Не жаловался. Но был раздражён. Мы маленько повздорили, не поняли друг друга. Сегодня вечер у Басина. Увидимся. А пока позвонить надо.

Марина Львовна привычно набрала знакомый номер. Ни-

кто не ответил. "Наверное, мобилку забыл", – промелькнула мысль.

Позвонила на квартирный стационарный. Раздался голос Андрея – старшего сына Ивана Мефодиевича.

– Мариночка Львовна, боялся слишком рано вас тревожить. Я только полчаса, как прилетел. Беда у нас. В пять утра папино сердце остановилось. Он ещё успел позвать соседей. Скорая не помогла. Приезжайте.

Марина Львовна не поверила своим ушам. "Иван Мефодиевич, что же вы так? даже не попрощались с нами или попрощались?" – в растерянности мысленно не то обращалась к другу, не то корила себя, напрочь расстроенная печальным известием.

После похорон близкие попросили Марину Львовну задержаться. Андрей пригласил ее в рабочий кабинет отца.

– Вот посмотрите, здесь дата стоит и время. Отец ночью работал. А утром его не стало.

Женщина посмотрела на протянутый Андреем лист бумаги, на котором знакомым аккуратным почерком было выведено название: "Я бы на тебе женился..." и чуть ниже – "Невыдуманный сюжет".

На мгновение, коснувшись пальцами лба, она почувствовала слабость в ногах, присела.

Далее шел текст на пяти листах... Она бессознательно вначале скомкала прочитанный первый, затем второй, тре-

тий; остановившись, ближе придвинулась к столу, упёршись лбом в лежащие на нём ещё непрочитанные две страницы, и без конца повторяла:

– Этого не может быть. Этого не может быть.

– Что с Вами? Вам плохо?

– Нет, нет. Андрюша, это невероятно, но я знакома с этим сюжетом, знаю содержание...

Ей было известно о привычке Ивана Мефодиевича переплавлять всё пережитое в свои произведения. Это на самом деле было реальным выходом избытка впечатлений и нередко заменяло общение, живую связь с людьми, но чтобы так?! Он писал, а в это же время в её сне шёл спектакль по создаваемому им сценарию.

Невероятно, но так произошло. «Если честно, нет у меня ни малейшего интереса ни к метемпсихозу, ни к духам, ни к посланиям насекомых, ни к телепатии, ни к концу света. Это совсем не значит, что я во все это нисколько не верю. Я даже считаю – пусть будет, раз есть. Лишь бы не касалось меня лично. И все же немногочисленные таинственные явления время от времени оставляют след даже в моей скромной жизни» – писал Харука Мураками.

Вот и в жизни Марины Львовны этот сюжет оставил такой же след.

*

Проводив гостью до лифта, Евгения возвратилась в кабинет. «Что там за тема у нас вызревает? Ах, да, молодёжь и

наркотики. Как её изложить? Что, если соединить с рассказом о маках?»

Перед ней уже настойчиво маячила эта цель.

Отдав нужные распоряжения, редактор заторопилась домой, в свою уютную домашнюю творческую лабораторию. Ей казалось, что «маковая» идея не позволяет ей мешкать; зависла где-то глубоко в мозгу, упаковав себя в невидимые прозрачные извилины, наполненные стонущей и беснующейся оравой наркоманов, вопящих о спасении и помощи. Может, её маки хоть кого-то остановят, помогут?

Демченко С.А. Маки

Судьбоносные маки

Маки, самые что ни на есть – пламенеющие, судьбоносные.

На этот раз в саду их приветствовали прежде всего пылающие под лучами июньского солнца крупные рубиновые маки.

– Не стоит так восхищаться,– увещевала правнучку Нина Ивановна.

– Но почему? Посмотри на них. Какие удивительные, ажурные и нежные линии цельных лепестков!..

– А цвет тебе ничего не напоминает?

– Цвет? Алый, похожий на румянец стесняющейся девушки. Цвет пламени... А что?

– Его сила огненная, но вместе с тем и аллегорическая, провидящая. В нем сосредоточены не только теплота и радость лета. В трагические минуты мак напоминает еще и каплю крови. Не находишь?

– Мало ли какой цветок имеет красную окраску и что же,– всех их надо ассоциировать с кровью?

– Не совсем, не сам по себе цветок, а его свойства, воз-

возможности...

Заинтересовавшись таким поворотом разговора и зная свою прабабу, привыкшую наделять все живое какой-то, только ей понятной, символикой и силой, Маша очередным своим вопросом склонила собеседницу к более пространственным рассуждениям.

– Бабуль, а ты что-то интересное знаешь о маках?

– Знаю и немало. Эти цветы для меня судьбоносные, связанные с радостью и печалью, ибо у них есть грани добра и зла. А вообще вся их история полна таинства и магического очарования. Издавна считается, что маки как бы фиксируют границы реального и потустороннего миров, сна и смерти.

– Не понимаю. Такая красота и вдруг "смерть". Объясни.

Нина Ивановна задумалась. Мысленно перед ней проплыли доселе не забытые картины ее детства и юности, вытянутые из глубин памяти этим серьезно проявленным интересом правнучки.

Вот они с матерью и годовалым братиком идут пшеничным полем, хаотично усеянным группками пышных кумачевых маков. Эти пестрые островки хулиганисто разбежались вдоль и поперек золотящейся, накрытой руками неутомимых хлеборобов, земной скатерти.

При приближении к цветам можно было заметить прочные стебли, рассечённо-пёристые листья из волосисто-щетиным сизовато-салатовым опушением.

С виду королевские, горделивые цветки на прочных высо-

ких цветоносах распространяли вокруг свою неиссякаемую энергию цветения с таким неопишуемым наслаждением, что это создавало редчайшее, непередаваемое словами, природное зрелище.

– Доченька, погоду чуток, что-то братик твой не спокоен. Покормлю его.

Но и после этого малыш продолжал капризничать и хныкать.

– Да что же это с тобой!?! Не возвращаться же домой. Поймай, сейчас я успокою тебя...

Мать вытащила из незаметного кармана блузы "дурачка" (так называли в народе самодельную соску) и сунула его в рот ребенку.

Спустя некоторое время он затих. Так они и дошли до соседнего села, где проживала свекровь матери.

Гостям здесь были рады, тут же засуетились с обедом.

– А что же Макарка-то наш? Дай взгляну, – потянулась к ребенку хозяйка.

– Смотри, еще спит, да крепко как! Уж не мака ли ты ему дала?

– Его самого. В тряпичной соске. Самую малость.

– Не переборщила? Давай, буди сына, кабы да чего худого не случилось...

Малыша тогда еле растормошили.

Но спустя две недели он умер во сне. Все говорили, что от маковой соски, которую давали ребенку всякий раз, когда

тот капризничал.

По крайней мере, так считал местный священник, ранее имевший и медицинскую практику.

– Так я впервые узнала, что мак, особенно дичок-самосейка, – это хорошее успокоительное и снотворное средство. Только обходиться с ним надо осторожно и осмотрительно.

– Страсти-то какие, – вздохнула Маша.

– Затем, когда я была в твоём возрасте, – продолжала рассказ Нина Ивановна, – столкнулась с непонятной мне магией, когда на девичьих посиделках из мака варили чар-зелье, а на свадьбах в туфли новобрачных, чтобы они не были бездетными, насыпали освященный мак.

Вообще оказалось, что в жизни Нины Ивановны много чего было связано с маками.

Они, как бы хрустальным рубином, вплелись в её судьбу, купаясь и оттачивая свои грани в её хитросплетениях и поворотах.

Так, однажды у неё, увенчанной венком из скромных простых васильков, полевых ромашек и шелковистых, пьянящих, как любовь, маков состоялась запомнившаяся на всю последующую жизнь встреча. Лето тогда было особенно жарким. Над головой загадочно звенел небесный колокол. Под музыку солнечного свечения искрился трепещущий танец манящих изяществом, ранимых и утонченных, как воздух, маков. Девушка сняла свой роскошный венок, поправила выбившийся из размеренной васильково-маковой косы цветок,

и опять осторожно водрузила венец на голову.

– Красавица, здравствуй! Откуда в наших краях взялась такая? А веночек-то какой сказочный!..– услышала незнакомый голос юноши.

– Здравствуй! А Вы откуда? – не растерялась в ответ.

Познакомились, разговорились... Да так и остались вместе на всю жизнь.

До той самой страшной военной поры, пока он не заразился на фронте первой мировой войны тифом и не попал в объятия вечного сна.

– Я тогда не знала, что веночек из маков надевали девушки, которым не везло в любви.

Но это поверье было не о нас. Мы с твоим прадедом сильно любили друг друга и были по-настоящему счастливы.

– Так почему же ты так настороженно относишься к моему восхищению маками? Для меня они образец гармонии и красоты. Сладострастный, словно умытый медом, цветок.

– Так-то оно так,– согласилась с Машей Нина Ивановна.– Но, когда я смотрю на ласкающий взор танец нежных маковых лепестков и черные лукавые глаза сердцевины мака, никогда не забываю о таящейся в нем опасности. Ты забыла о морфине? О

маковой соломке? О брате своем?! О нашем горе?!– перешла на восклицания старуха.

Действительно, в этом пламенеющем гении земной флоры по многим легендам и сказам кроется огненное страдание,

вечный поединок любви и ненависти.

Вот попробовал ее правнук недозрелую головку мака – и над его судьбой уже сразу зажглась свеча – зловещий вестник сладкой, но скорой гибели. Это мак своим тревожным дурманом опоил молодое сердце, предательски сыграл на слабостях и неокрепших чувствах юноши, вызвав и высокое кровяное давление, и необратимую злодейку – ломку.

Мечтательный полет опиумного кажущегося счастья враз перечеркнул судьбу её любимца, забрав его в иные миры. В двадцать с лишним лет... Но все умершее «недожитком», до своего срока, и в самой смерти еще как-то ворошится... напоминанием живущим.

И кто бы мог подумать, что маки, принесшие ей радость любви и упоение жизнью, станут причиной трагедии ее рода аж в пятом поколении?!

– Бабуля! Маки здесь ни при чем. Колька сам виноват.

– Наверное, ты права. Он превратился в человека, плюющего в свой же колодезь, допустившего грех против своей души. Он сам добровольно отказался от Христовой защиты.

Ни один Божий человек – святитель никогда не пользовался наркотиками: они противостоят Святому Духу, претендуя на его замещение.

Мифов и легенд о маках много. В Европе, например, они символизируют память о погибших на поле брани солдатах.

В Англии 11 ноября в связи с этим объявлен даже "Днем маков". На Балканах они ассоциируются с мотыльками – однодневками.

В христианском мире распространено представление, что эти цветы растут на крови распятого Иисуса Христа и символизируют невинно пролитую кровь.

Наблюдательная Нина Ивановна уже давно знала, что сорванные, уже распутившиеся маки, почти не стоят долго в вазе, ибо своим изяществом листовых розеток, яркостью цветения они уже все, что хотели, явили этому земному миру.

Время

Время ползёт-ползёт, а до её отпуска никак не доберётся. А тут ещё и волнительный разговор с дочерью, мол, не приедет, собирается каникулы провести в Турции со своим избранником. Евгении это не понравилось, ведь избранник-то женат. Об этом ей сказала мать её подруги. Вот новость, так новость.

Евгения смотрела на фото дочери, которое было на её рабочем столе, любовалась: «Стройняшечка моя, что же ты надумала? Не рано ли?»

Девушка с густыми тёмно-русыми вьющимися волосами, выразительными бровями, карими глазами, красивым овалом лица, небольшими пухлыми губами улыбалась в ответ с фото двумя рядами прекрасных белых зубов.

«Молчишь? Давай ещё раз поговорим»,— решила Евгения, быстро набирая номер дочери.

— Алло, доча? Я всё не успокоюсь после нашего утреннего разговора. Ты точно не приедешь домой на каникулы? И кто этот твой избранник, если, ты говоришь, что не студент и не учится вместе с тобой?

Вначале Аля порывалась что-то сказать, но замолчала. Разум Евгении подсказывал: надо преодолеть искушение и не говорить резко дочери то, что ей хотелось, и она совладала с собой.

– Почему молчишь, Алюня?

– Разве имеет значение кто? Он человек, как и все люди. Работает, как и ты, и папа. Раз тебе уже донесли: да, у него есть семья. Но я же не говорю, что это мой будущий муж?

– Но ты же привыкнешь, влюбишься.

– Ты ведь тоже до папы кого-то любила? Мне бабушка рассказывала. Не бойсь, мамуля, сама разберусь. Лучше поменьше работай и береги себя.

– Но я так мечтала, что мы отдохнём все вместе.

– Вдвоём с папой отдохнёте.

– Если бы: он задержится, у них сдача объекта.

– Ты опять в Берегово едешь?

– Да, там замечательные термальные воды, и климат тёплый. Но красиво ли тебе, девушке, ехать с женатым мужчиной на отдых? – вдруг решила спросить Евгения.

– Мамуль, я знаю, что ты так скажешь. А чувства куда девать?

– Понимание ответа на этот вопрос приходит только с годами. Подумай хорошенько.

– Ладно. Время покажет...

Через недели две Алина сообщила, что отпуск с избранником срывается, и она приедет на каникулы домой.

Такой счастливой Женя уже давно себя не ощущала: её любимая Аля всё же не совершит судьбоносной непоправимой ошибки.

*

Всё на работе у Евгении шло своим чередом, одни заботы и дела уходили, а другие следом уже наступали на пятки. Хоть на солнце, хоть при лунном свете, утром ли, вечером, – время всегда справляет свадьбу с миром, одинаково тикает хоть в раю, хоть в аду. Штука какая интересная... Время, прячущееся под черепом, не прикроешь шапкой, как мотылька сачком: выпорхнет во что бы то ни стало, – никак не изловить.

Оно, знай себе, бежит... Незаметно, словно, издевается над миром. Невидимое, доказывает, что все в жизни временно. И это вечно. Но Время ... не безликое. Именно из него соткана вся ткань жизни. Не сомневайтесь: у времени есть свое лицо. Не верите? Посмотрите в зеркало. Ваш лик – ничто иное, как обличье Времени. Да, в нем и возраст прожитого Вами Времени запечатлен. Чтобы удостовериться, можно полистать фотоальбом, посмотреть какими были, какими стали. Заметны изменения? Вот-вот, – время постаралось. И так везде и во всем. И свой дом есть у Времени: Ваше жизненное пространство, квартира, улица, город... Они также его черта, его характеристика. Пространство без Времени, и наоборот, просто не существуют! У Времени свои приоритеты, своя Любовь. Предайтесь воспоминаниям, и Вы пойме-

те, что это так. Порой мы бросаем время в пустоту, не понимая, что убивая его, мы убиваем себя. Именно оно стирает боль, наши ошибки, всему назначает свою цену, тем самым шлифует вечные истины. Лишь одного у Времени нет: стоп-крана!

*

«Так и у меня его нет...»,— Евгения заканчивала просматривать гранки свежего номера.— Ещё два месяца, и будем приветствовать лето. Хочется солнца — этого вечного окна в золотую ослепительность. Скорей бы отпуск и... в бассейн, и ещё — в лес.

Она любила лес больше своей дачи. Именно в лесу находила краски и композиции для картин, сюжеты для пейзажных литературных зарисовок. Живопись — это её увлечение, хобби, которое пришло к ней нечаянно, почти во сне. Как-нибудь поделится с читателями этим. Возможно, именно эта любовь помогает ей сочинять не только поэтическую пейзажную лирику, но и создавать её в прозе. Как там она писала? -

Поэтом себя

не считаю!

В мечтах

озаренье ловлю.

Рифму не вижу,

не знаю.

Поэзию прозы

люблю!

Это на самом деле правда: живописать словом не менее интересно, чем кистью. Временами, принявшись за сочинительство, она отрывалась от него не иначе, как от только что увиденного сна. Вкус к слову развивался зримо. Мысленно увлекалась глубиной стиля, широтой воззрений, лаконизмом почерка многих писателей, и в ней поднималась тихая творческая ревность, постоянно докучающая ей упрёком: «А тебе слабо?» Конечно, слабо, несопоставимо далеко до совершенства – этой глыбы достижений человеческого таланта, которую не перепрыгнуть, не сдвинуть с места даже вездесущему времени.

Но в Евгении где-то в закоулках мозга жила задиристая пижонская надежда, – хотя бы приблизиться к такой великой школе, не подвести её. Дерзновенная мечта.

*

Весь вечер её глаза и будущая книга не разлучались. Нет человека на земле, который бы не мечтал, и она написала об

ЭТОМ.

«Хлебать золотыми ложками бесплатно»

Стоял ясный морозный день. Солнце слепило глаза. Легкий покров снега веселился искорками, купался в морозном настое свежести. После окончания занятий Маринка с Димкой домой не торопились.

– Пойдем в парк. Там с горки можно покататься,– потянула девушка парня за рукав.

– Айда! – согласился тот.

– Слушай, а ты знаешь, что обозначает "хлебать золотыми ложками бесплатно"? Умеешь это делать?– загадочно проинесла Маринка.– Или

– Ты чего? Это как?– развел руками собеседник. скажешь, что это невозможно?!

– А вот так. Сейчас при тебе и займусь этим.

– Ну да... А ложки золотые, хотя бы одна, у тебя есть?!– буквально подскочил к девушке парень.

– Не только у меня, но и у тебя, глупенький, есть!– продолжала вести свой загадочный разговор раздумывавшаяся

на морозе Маринка.— Слушай, есть идея: узнай у прохожих, о чем спрашиваю.

— Девушка, а, девушка,— обратился Димка к незнакомке лет двадцати,— можно у вас что-то спросить?

— Спрашивай, коли не шутишь,— недоуменно разрешила та.

— Вы умеете хлебать золотыми ложками бесплатно?— опередила парня Маринка.

— Чего?! А серебряными не хочешь?! Вам что,— делать нечего?— покрутила у виска пальцем незнакомка.

— Маринка, ну хотя бы ты мне сказала, что это значит.

— А ты сам догадайся. Вот смотри, сейчас я это делаю.

И Маринка, закрыв глаза, улыбалась сама себе.

— И что?

— Не догадался?

— Тогда еще спроси у прохожих, только не у молодых. Наверное, они все же, как и ты, не сообразят, что к чему.

И тут рядом с веселящейся парочкой поравнялся статный седовласый мужчина с увесистым коричневым портфелем в руках.

— Умный, небось, ученый или преподаватель,— промелькнуло в голове у Маринки, и она толкнула локтем Димку, мол, давай, спрашивай.

— Простите, пожалуйста,— несмело парень обратился к незнакомцу.— Можно Вам задать один вопрос?

— А чего же нельзя?! Пожалуйста, молодой человек, я вни-

мательно вас слушаю. Вы наш студент?— кивнул в сторону здания расположенного вблизи института.

– Нет, мы в техникуме учимся.

– И каков ваш вопрос?

– Скажите, вы умеете хлебать золотыми ложками бесплатно?

Старик не поверил своим ушам: эти двое в наше-то время знают творчество Александра Чака?! Неимоверно.

– Не только умею, дорогие мои, но и частенько пребываю в объятиях этого занятия. Да-да, понимаете, это никому не запрещено. Иногда даже полезно. У латышского поэта Александра Чака, родившегося в Риге 27 октября 1901 года и умершего 8 февраля 1950 года, это выражение (правда, в более скромной редакции: без "золотыми" и вместо "хлебать" у поэта "кушать", но в разговорной речи в переводе на русский оно и стало расхо-

жим в цитируемой вами редакции) служило художественным образом для обозначения нашей мечты, полета человеческой фантазии. Позвольте полюбопытствовать: вы знаете творчество этого самобытного поэта? Помните, как у него:

*"Если б я мог через боль перешагивать, как через лужу,
Над головой все бы пенилось желтое пиво волос.
Жил я на свете, выставив сердце наружу,
Оттого их лишиться пришлось".*

– Не так чтобы...— сказала Маринка,— просто в нашей до-

машней библиотеке есть его сборник "Сердце на тротуаре", а у моей подруги, ее мама преподает литературу в школе,— редкое издание его стихов "Зеркала фантазий". Вот я там в стихотворении "Красота бедности" и нашла это выражение, мне оно понравилось... «Мечта — это ложка, чтоб кушать бесплатно...», а в пояснениях встретила и такой перевод... что «золотая ложка».

— У вас, деточка, хороший вкус, ибо образ этот замечательный. Я в свое время работал в Латвии и довольно хорошо знаю латышскую литературу,— мужчина посмотрел на часы.

— До начала лекции в институте у меня есть около получаса. Хотите знать мое мнение о роли мечты в жизни человека?

— Конечно, расскажите,— согласились молодые люди.

— Мечта облагораживает сокровенные мысли порой даже самой заурядной личности. Нет на земле человека, хотя бы единожды не предававшегося мечтаниям. Конечно, мечтать, то есть хлебать золотыми ложками, да еще и бесплатно, можно о чем угодно и сколько угодно. С одной стороны, мечта — это как крылья, помогающие человеку взлететь, взлелеять свое воодушевление, порадоваться тому, чего нет в обыденной жизни. Но, с другой, — мечтательность все же призвана быть в согласии с возможностями и способностями своего носителя. В противном случае она приобретёт черты маниловщины.

Заоблачные призывы, приглашения, проекты под стать "пойди туда— не знаю куда" или "сделай то— не знаю что", или

"люби меня, а я тебя, и будем навеки верные друзья"— это проявления скрытой безответственности, или болезненного сознания, уязвленной и надорванной психики, или попытка, причем, тщетная, отвлечь себя от реальных проблем и забот.

Можно сколько угодно мечтать о чем-то недостижимом, "уходить в себя" (в свою экзистенцию), создавать "корабли избранных", плыть в "далекое – далёко", но изолировать, изъять себя из реальности при этом никак не получится, ибо у нее свои законы и вектора, которые она предъявляет к людям.

– Значит, и мечтать ни о чем не нужно? – с разочарованием заметил Димка.

– Почему же? Вот ты кем мечтаешь стать?

– Я? – смутился парень, – положим, юристом, а что?

– И что ты уже сегодня делаешь, чтобы твоя мечта стала реальностью?

– Дружу со студентами юридического факультета, – улыбнулся юноша.

– Во!... Мечта, не умноженная на волю и стремления, превращается в пустую мечтательность.

Заговорился я тут с вами, ребята. Мечтайте и достигайте исполнения своих мечтаний трудом и упорством!

– Спасибо вам. До свидания.

– Ну что ж, Димуля, а покататься мы так и не смогли. Нужно идти домой. Заниматься...

– И хлебать золотыми ложками бесплатно? – засмеялся в

ответ

парень.

*

«Ничего себе вчера размечталась»,— думала Евгения, гонимая внезапным косым апрельским дождем по ломаной линии переулков привычного маршрута до метро.

А дождь хлестал по осклизлым стенам домов. В лужах, под рябью от drobных капель, шевелились вспученные волдыри. Но этого ему оказалось мало. Он нашёл помощника — появившуюся откуда ни возьмись громадную тёмно-синюю тучу, которая, вначале, победив предыдущую, застыла над домами, развесив свои грязно-серые уши. Словно прислушивалась. К чему?

Поначалу сдержанно, а потом смелее она загрохотала, и дождь пустился с ещё большей силой. Зонтик не выдерживал, складывался под напором ветра и дождя. Евгения бежала, понимая, что промокнет до нитки. Преодолевая последний отрезок пути к спасительному входу в метро, она уже ничего не замечала вокруг: дождь нахально отнял у сооружений и бегущих людей их прежде ясные контуры.

«Это тебе за мечты, за походы в прошлое»,— тонкая улыбка искривила влажные губы Жени, которая, наконец, добралась до своего дома.

Бабушка Жени всегда говорила, что весенние дожди лишними не бывают, если апрель мокрый, значит, быть славной

пашне. Это май – с травой, а апрель – всегда с водой.

Выпив горячего чая с малиной (на всякий случай, чтобы какая простуда не пристала, ведь продрогла вся под дождём), закутавшись в тёплый плед, Женя, однако, включила компьютер. «Надо упорядочить впечатления, написать хотя бы страничку-две», – сказала себе...

Но как-то не писалось. Встала и затопила камин. В комнату забил поток весёлых прыгающих лучей, и всё в одночасье просветлилось, наполнилось теплом. « О чём-то дальше писать будем?», – назойливо сверлило в голове.

Так проходили дни, недели, в редакции дела шли, как обычно слаженно и продуктивно. Отметили майские праздники, День Победы. Лично для неё этот святой день был полит кровью деда и его пяти братьев, миллионов таких же не вернувшихся с войны солдат.

Память. «Эхо войны»

Её память о войне и погибших, наверное, на долгие годы нашла пристанище в этом коротком рассказе.

Herbertus

С.А. Демченко. Эхо войны.

Кто бы ни заходил в дом к деревенскому кузнецу деду Василию, непременно удивлялся. В углу под иконами и лампадкой на мастерски встроенной дощатой полочке лежала старая ржавая солдатская каска, в простреленное отверстие в которой были вставлены натуральный стебель с колоском ржи и два искусственных цветка – красный мак и синий василек. Этакая необычная икебана. Упреждая вопросы гостя, старик спешил объяснить: – Это не простая каска. Я нашел ее лет пять тому назад на заброшенном пустыре на окраине села. Кровавые здесь были бои... Недаром же в центре деревни такая большая братская могила находится. А я вот воевал вдали от дома... Рассказчик на минуту задумывался, затем продолжал:

– Так вот, народу здесь нашего полегло немало, но, сказывают, что немца тогда в село советские солдаты не пустили. Вот эта каска и напоминает мне об их подвиге. Тут дед Василий замолкал, закуривал самокрутку (эта привычка у него осталась еще со времен войны) и рассказывал дальше.

– А забрел я тогда на пустырь случайно, в поисках своего дворового пса Тузика, будь он неладный... Двое суток дома не появлялся. Нашелся потом разбойник.

Иду, заглядываю под каждый кустик, в любую ложбинку, а тут смотрю, – цветы перед глазами. И где им только здесь было взяться?! Яркий красный мак, синий василек и колосок

ржи к ним присоседился.

Цветы колыхались, будто от чьего-то незримого тёплого дыхания, а стебелёк ржи стоял недвижимо, намекая, что он тут главный. Казалось, что это он расточал по всему пустырю запах свежеиспечённого хлеба. И как будто кто связал вместе эту троицу! Наклонился, хотел было сорвать: красота-то какая! Но отвернул траву, разгреб землю, а это она родимая, – каска эта лежит. Удивился: как это все три растения угораздило в одной этой дырочке вырасти?! Не иначе, как знак Божий, подумал... Тут старик снова прерывал разговор, подходил к каске, брал ее осторожно в руки и показывал, поворачивая зияющим отверстием к собеседнику.

– Ведь она прикрывала чью-то голову... Не иначе, как осколками от разорвавшейся бомбы пробита... Царство Небесное Солдату!

Я тогда сделал ограждение колышками вокруг находки, ежедневно приходил, молился и ждал, когда на этой символической могиле отцветут цветы. Когда опали лепестки мака и пожух василек, сорвал стебель ржи с колоском и вместе с каской принес домой. Зерно с того колоска в тот же год высыпалось, я его посеял в огороде... А перед иконами молюсь за того, кто носил ее, за тех, кто покоится в нашей братской могиле... Да что там?!

– За всех, кто отдал свою жизнь за Родину.

И уже в конце, провожая своего гостя, седовласый ветеран всегда заключал:

– Это же какое чудо! В каске сквозь простреленное отверстие вырос составленный войной букет, состоящий из хлебной Нивы, политой людской Кровью, и синего Неба. Колобок для меня символизирует Землю, мак – Кровь и василек – Небеса.

У нас под ногами – одна Земля, над головами – одно Небо, и Жизнь человеческая – одна! И никто не имеет права отбирать ее у нас! Чтобы живущие сегодня на мирной Земле под мирным небом не забывали, чтобы помнили!..

К сожалению, не все помнят, находятся горячие головы, которые хотят развязать новую войну. Но это, не приведи, Господи, уже будет другая война: на выживание всего человечества. Безумцы, стремящиеся к такому катаклизму, безответственны и бесчеловечны.

« Я уже так соскучилась за своими, скорей бы Аля заканчивала курс, и Саше пора возвращаться: строил в Иране АЭС. Только и жизни без них, что беседуешь со своими персонажами да посетителями».

Ей не хотелось насиловать себя мыслями об официозе, об этой стороне работы редакции она писать в книге не станет. Её тянула Муза в другие миры, более духовные, поддерживающие силу духа, волю и стремление жить.

Каждый сочинитель придерживается своего стиля, на его творческой кухне едок только один – он сам, и меню составляет также он, демонстрируя свой выбор художественных

эффектов, свою ненасытимость духовной алчности, идёт ли речь о любви к слову, скупости или щедрости чувственной отдачи. Но столь эгоистичный автор рискует не попасть в струю модного литературного процесса.

Евгения знала, что находится никак не в нём. Её слово, – говорят, – слишком правильное, христианское, искреннее. В угоду моде писать не умеет. Не хочет быть обезличенной. Страшна ведь не мода, а то, о чём она свидетельствует. В моде кроются элементы рабства. А быть рабом, ой, как неохота, да и грешно сознательно терять человеческую свободу. Набирая почти автоматически свои мысли на клавиатуре, женщина то и дело останавливалась: «К чему это я о свободе, грехе мы все грешны. По-моему, грех перед собой и своей совестью – самый тяжкий?» И, словно, по чьей-то указке, всплывали вопросы. Много; ответить ей на них в книге не удастся.

С.А.Демченко. Купол Храма.

Простить непрощаемое

На следующий день встала с лёгкой головной болью. Подумала, что что-то с погодой не так. «Хотя, хорош всё списывать на неё, за компом сидеть нужно меньше», – упрекала себя.

На часах – семь утра, время, когда ещё всё дремлет затяжной утренней дремой.

Белесая утренняя просинь залегла и в небе и понизу, в саду меж стволов и обвисших ветвей. Выпив таблетку от головной боли, Евгения поспешила на работу.

– Евгения Петровна, к Вам можно?

– Да, да, Леночка, заходи. Что-то случилось?

– Не знаю, как и сказать. Места себе не нахожу. Поссорились с мужем, кажется, навсегда.

– Ну, что ты? С людьми, да ещё близкими, ссориться навсегда грешно. С мужем, говоришь, не поладили? Наверняка из-за пустяка?

– Да, нет, он должен был поехать к моей маме и купить ей нужное лекарство, болеет она, а он, говорит, просто забыл. Мне стало обидно. Когда его мама болела и случился

инфаркт, я ни на минуту её не оставляла, помните, брала две недели за свой счёт? А, когда моей маме надо помочь, он, видите ли, забыл. Вот так слово за слово и уже три дня не разговариваем.

–Зная твоего Сашу, не поверю, что может в молчанку играть.

– Нет, он пытался извиняться, но я не могу его вот так сразу

простить.

–Милая моя, бывают в жизни случаи, когда прощают непрощаемое. Возьми вот это письмо, почитай. И никогда не говори слово «никогда».

– Скажете такое. А что это за письмо?

– Интересное. Автор мне совершенно не знаком, но история, по-моему, заслуживает внимания. Как раз по теме нашего разговора. Мы все грешим друг перед другом, а вот простить зачастую не умеем. Надо поддержать этого автора, хотя его текст нужно отредактировать, вычитать внимательно.

– Хорошо, Евгения Петровна. Сама так начинала, помните?

– Да куда уж тут забыть.

– Если бы тогда Вы не напечатали мое "Признание", как знать, поступала бы я на журфак или нет. Вы укрепили во мне веру в себя, в то, что мое слово может быть нужным и интересным людям. Спасибо вам. Примите и теперь мое

признание в любви!

– И тебе спасибо, что не разочаровала. Возьми письмо, название надо сберечь, оно то, что нужно,– «Простить непрощаемое». А Сашу своего прости и не держи в себе зла, не будь бессердечной.

Лена знала: Евгения Петровна лишь каких-либо писем не держит у себя. Значит, это о чём-то особо важном. И это предположение оправдалось. Спустя несколько дней очерк «**Простить непрощаемое**» лег на стол Главреда.

«Алеша рос смышленным и бойким мальчишкой.

К своим шести годам уже знал, кем он хочет стать и что для этого нужно сделать. Первыми тремя словами, выведенными им, были: мама, небо, самолет. Среди игр преобладали конструкторы различных моделей самолетов.

А собранные детскими руками самолетики украшали не только детскую комнату, но и гостиную. В тот день Майе, матери Алешки, что-то нездоровилось.

На вещевой загородный рынок вместе с приехавшими из деревни сестрой Ниной и ее мужем Никитой Майя попросила съездить соседку, десятиклассницу Наташу.

– И меня возьмите,– захныкал Алеша.– Там продаются те модели, которых у меня нет. Мне Колька из пятой квартиры говорил.

– Никуда ты не поедешь. Далеко это, только мешать будешь,– запротестовала мать.

– Да ладно, Майя, пусть прогуляется.

На рынок они приехали к одиннадцати часам.

Он уже гудел, словно пчелиный улей. Поначалу в толчее нельзя было толком понять, где и что продается.

Осмотревшись, женщины поручили Никите неотступно быть с Алешей, а сами ушли за покупками, предварительно назначив встречу на пригородном вокзале.

И какое же у них было недоумение, когда к назначенному сроку Никита с Алешей не явились.

Прождав с полчаса, они бросились их искать. Спрашивали у многих, но никто ничего определенного не мог ответить.

Уже и электричка проследовала в город, а они все бегали по окрестностям.

– Боже, что же я теперь скажу Майе?– тревожилась Нина, затем успокаивала себя,– но он же с Никитой, что же произошло?

В милиции Нина увидела багрового от раздражения мужа

и, как оказалось, местного кутилу, который громко бранился, угрожал, пытался наброситься на Никиту.

Женщины тут же с порога с вопросами:

– Где, где Алешка? Что с ним? Что случилось?– расплакалась Нина.

– Успокойтесь, гражданка,– урезонил ее милиционер. – Жив ваш пацан, в больнице он.

Когда все трое примчались в клинику, врач не пустил их в палату.

– Мальчику надо время, у него шок. Вы сами понимаете, что после такого бывает...

– Какого такого?

– А вам разве не сказали? Мальчика какой-то скотина изнасиловал.

Женщины потеряли дар речи.

Никита не стал оправдываться. Он отвлекся только на минуту, чтобы посмотреть рыбацкие снасти. Когда спохватился, мальчишки рядом не оказалось.

Но, как ему потом рассказали, Алешу поманили каким-то

конструктором, усадили в машину и уехали, это были местные, как их называли, битюги.

Последующие суды, экспертизы, длительная болезнь любимого сына подкосили здоровье Майи.

В третьем классе он остался, по существу, сиротой, ибо отец запил так, что имени своего не помнил.

Нина забрала мальчика в деревню, и он стал жить у бабушки по материнской линии.

В селе о нем чего только не сочиняли. Рос замкнутым. Ни с кем не дружил.

Все модели были сожжены и к своей детской мечте подросток уже не возвращался.

В это время книги были едва ли не единственным его увлечением.

Закончив школу с серебряной медалью, Алеша на удивление всем поступил в духовную семинарию.

А уже к тридцати годам имел свой приход недалеко от областного центра.

И матушка к тому времени была, лет на семь старше его, степенная такая, все чем-то ему мать напоминала.

В один из воскресных дней перед вечерней службой он за-

метил в храме незнакомого мужчину. Тот был весь какой-то скукоженный, хотя одет весьма прилично. Седой совсем, с измученным лицом и, казалось, бесцветными глазами.

Он несмело подошел к священнику и попросил исповедовать его.

Отец Алексей согласился.

Во время исповеди священник несколько раз задавал ему какие-то уточняющие вопросы, как-то изменился в лице, но, овладев собой и осенив мужчину крестом, сказал:

– Ступайте с Богом! Молитесь! Кайтесь! Бог простит.

Отправив вечернюю службу, отец Алексей еще долго не покидал храма. Все молился.

– Господи, прости мою грешную душу.

Сегодня Твоею волею я просил отпустить грехи человека, который искалечил всю мою жизнь. Но в душе моей продолжает жить боль и обида. Помоги мне избавиться от них. Отпусти этот мой грех!

Ему казалось, что даже воздух был пропитан этим грехом и взывал к покаянию.

Слезы ручьем катились по щекам священника. Слезы прощения непрощенного чужого греха».

Отдавая очерк в набор, Евгения задумалась над тем, какое воздействие на людей он произведёт? Найдут ли они в себе силы понять главного героя? Не станут ли кликушествовать в его адрес?...

– Знаешь, Лена, – многие сейчас для непростения находят уловку: простить – прощаю, но забыть не смогу. Значит, так и не прощают?

– Но ведь ему исковеркали всю жизнь, как такое простить можно? Как наступить себе на горло?

– Осудить человека легко. Но, кроме суда человеческого, есть ещё и суд Божий. Прощение исходит из его постулатов. Это благодетельный и разумный подход. Человеку нельзя жить внутри наглухо запечатанной в душе злобы и мщениия. Себе дороже.

– Интересно, как и чем Бог прощает людям их грехи? Бездонностью своей любви к нам, грешникам?

– Да, любовью. Тем, что ты любишь, тем самым и прощается. И чем больше любишь, тем больше где-то в тайниках души и прощается, и омывается слезами этой любви. В оксюмороне «Простить непрощаемое» как раз и заключен этот подход.

Рабочий день близился к концу. Отдав последние распоряжения, Евгения отправилась домой. Её там ждало уединение, воспоминания и дальнейшая работа над книгой.

Пока муж был в командировке, а единственная дочь учи-

лась в Москве, она могла себе позволить вечерами, порой ночами всецело уходить в неё, рыться в прошлом и настоящем. Её мысли уносились к излюбленным историям, участником которых она была сама, и к которым она часто возвращалась. И как бросают в землю зерна, так она сеяла воспоминания в книгу, те воспоминания, корни которых сохраняются всю жизнь. Ей казалось, что и сегодня в каждый изгиб ложинок своей памяти она бросает частицу своего сердца.

«Душа моя чиста...»

Посетитель посетителю – рознь. Евгении доложили, что вот уже который день просит о приёме местный поэт Измайловский, о характере которого в городе ходили разные небылицы: вспыльчивый, задира, придирчивый, даже дебошир. И, наконец, она согласилась встретиться с ним.

Он сидел перед Евгенией, как-то смущённо сутулясь. До безобразия худой, неказистый с виду. На лице стояла печать непередаваемой выморочности и бессилия. Скорей всего относился к типу тех людей, которых необходимо постоянно вызволять из внутренней кельи отрешённости, в которой они добровольно ютятся. До тех пор, пока они не начнут разговаривать, внешне в них никак не разглядеть ни интеллигентности, ни хранящегося где-то глубоко нравственного изящества, если они, конечно, есть. Да и на дебошира он никак не похож.

– Я поэт, – представился гость. – Семён Измайловский, слышали?

Евгения хотела было сказать, что нет, но посмотрев в глаза Семёна, запнулась.

– Будем знакомы.

А он продолжил:

– Во всех редакциях лежат мои стихи, а вас я как-то обошёл, вот принёс, опубликуете?

– Их надо зарегистрировать. Почитаем. Спасибо. А кто из русских поэтов Вам близок?

– Николай Рубцов.

– Это и мой любимый поэт. Мало кто из нашего пишущего брата мог бы так сказать, помните? –

"Перед всем

Старинным белым светом

Я клянусь:

Душа моя чиста!"

– Да-да. Его понятие Родины – это мир крестьянского дома, старины, церкви и русской природы. Вы читали вологодского поэта Александра Романова о том, как публично выступал Николай Рубцов?

– Знакома с его рассказом. Он даже прослезился, когда однажды его слушал.

– Не то слово. Ведь что читал? "Взбегу на холм и упаду в траву..." , "Видения на холме", "Меж болотных стволов красовался восток огнеликий", "Я уеду из этой деревни".

На бледных щеках Семёна появился едва видимый след румянца.

Евгения позвонила в приёмную:

– Виктория, принеси нам с гостем кофейку. Мы тут о Николае Рубцове беседуем, хочешь послушать?

– Евгения Петровна, я Вас забыла предупредить: если станете уделять внимание Измайловскому, он станет к нам ходить, как на работу. Странноватый он, приставучий.

– Ничего. Как-нибудь сработаемся. Заодно возьмёшь у него материалы и зарегистрируешь.

Посмотрев на Семёна, Евгения подумала, что он уснул. Но как только редактор закончила разговор, он встрепенулся.

– Хотите, я вам почитаю Рубцова?

– У меня есть полчаса. Давайте. Я тоже многие строки знаю наизусть. Хотя бы эти:

"В деревне празднуют дожинки,

И на гармонь летят снежинки.

И весь в светящемся снегу,

Лось замирает на бегу

На отдаленном берегу".

Незабываема также его «Расплата».

– Я поднимусь. Читать стихи, сидя, не в моём обычае.

Семён встал, вытянулся и как-то совсем по-школьному начал:

– Когда заря, светясь по сосняку,

Горит, горит, и лес уже не дремлет,

И тени сосен падают в реку,

И свет бежит на улицы деревни,

*Когда, смеясь, на дворике глухом
Встречают солнце взрослые и дети, -
Воспрянув духом, выбегу на холм
И все увижу в самом лучшем свете.
Деревья, избы, лошадь на мосту,
Цветущий луг – везде о них тоскую.
И, разлюбив вот эту красоту,
Я не создам, наверное, другую.*

Евгения не удивилась тембру, напевности чтения, поймала себя на мысли, что декламаторы из поэтов не ахти какие.

– Семён, а вы знаете историю известного стихотворения «В горнице моей светло»?

– Стыдно признаться, но не очень.

В горнице моей светло.

Это от ночной звезды.

Матушка возьмет ведро,

Молча принесет воды...

Это вы имеете в виду?

– Да, конечно. Работая над этим стихотворением, Рубцов написал две новые строфы, после чего текст получил особую художественную цельность и завершенность.

В кабинет постучала и вошла Виктория. На подносе дымились две чашки с кофе.

– Угощайтесь, Семён. Чем богаты, тем и рады, – улыбчиво пригласила гостя.

– Так я же кофеман, спасибо, выпью с удовольствием, – обрадовался поэт.

– Давайте ваши стихи, Виктория, зарегистрируйте, пожалуйста. Мне сейчас нужно уйти, оставьте их потом у меня на столе.

*

Как только проводила Семёна, тут же открыла архив-сайт публикаций и нашла свою статью о Н.Рубцове. Написана она была ещё лет десять тому. Да... вот и о «горнице» разговор:

«В своеобразном, складывающемся как бы на наших глазах жанре "видения" совершенно реальные детали и явления ("ночная звезда", "красные цветы", "лодка на речной мели", "ивы кружевная тень") приобретают обобщенно-символическое значение. Они становятся емкими художественными образами. В них – давний, изначальный, народно-поэтический смысл и содержание.

Вместе с тем эти образы – глубоко личностные, несущие отпечаток души поэта, индивидуальное кредо его самобытного художественного мира.

Какой-то тончайшей непередаваемой непостижимостью, предчувствуя трагическую кончину (поэта убила женщина, с которой он намеревался связать свою судьбу, некая Людмила Дербина (Грановская), Н.Рубцов поэтическим воображением переносил себя в Вечность, на Небеса, неотступно

смотрящие на Землю.

Пространство и время его художественного мира не ограничилось сиюминутностью.

Оно протянулось от "горницы" до "ночной звезды", включая память и судьбу, прошлое и будущее.

Не случайно в финале возникает мотив хлопотливого завтрашнего дня, который придет на смену ночи с ее тревожными, бередящими душу воспоминаниями:

*"Буду поливать цветы,
Думать о своей судьбе,
Буду до ночной звезды
Лодку мастерить себе..."*

Вообще за последние семь лет своей короткой жизни, с 1964 по 1970 год,

Рубцов написал десятки прекрасных, поистине классических стихотворений: "В горнице", "Тихая моя родина", "Русский огонек", "Звезда полей", "Памяти

матери", "Журавли", "Старая дорога", "Душа хранит", "Шумит Катунь", "Ночь на родине", "Сосен шум", "До конца", "Привет, Россия...", "Ферапонтово" и др.

На тексты более, чем полсотни стихов Н.Рубцова, написаны песни,

которые мы и сегодня слышим в исполнении Н.Гнатюка, А.Градского,

Г.Бесединой, Т.и С. Никитиных и многих других исполнителей.

Это музыка Души великого русского Поэта. Она зовет и пробуждает в нас все лучшее, что должно быть в человеке,— Веру, Надежду, Любовь».

«Вот благодаря «странному» Семёну я и воскресила в памяти такую прекрасную поэтическую лирику» — поймала себя на мысли Евгения. Головная боль утихла. А погода опять не радовала. Пустился дождь. В который раз на протяжении всего дня,— то утихнет, то взбесится с новой силой.

О МЫСЛИ

Мало-помалу ярость дождя за окном сникла, и вскоре от него осталось лишь нечто вроде тумана, какая-то сеющая пелена дождевой пыли. Облачный свод таял и неровно побелел. Среди развеивающихся туч появилась синяя глубина, потом просвет увеличился, и дождя, словно, не бывало.

Евгения торопливо собралась домой. Но дождь злодейски опять начал моросить.

С каждой минутой он усиливался. Раскрыв зонтик, поспешила столь знакомым маршрутом к метро. Нависшее, отягченное водою небо словно прорвалось, изливаясь на землю. Порывы ветра дышали ещё дневным воздухом. Улица и дома, как губки впитывали в себя влагу. Она знала: раз на лужах вздыбливаются пузыри, дождь не долог. Так и случилось.

Вечерело.

Отворив двери подъезда, забрав из почтового ящика почту, Евгения поднялась в квартиру. Всё, как обычно: ужин, душ, разговор с дочерью и мужем, компьютер. Встревоженная сегодняшним рассказом о всепрощении, она понимала,

как важно не перейти черту, за которой, кончается духовность. Её теме становится тесно в рамках интересных писем читателей, она растёт с каждой главой под взбесившимся алфавитом, набором букв клавиатуры, расползающихся вширь и вглубь воспоминаний, как разливающееся половодье. Как много говорится о духовности. Это было всегда. Ибо во все времена ничто не поднимает так веру в мощь духовного начала, как пережитый живой пример. То ли твой личный, то ли другого человека. Но как могла наша эпоха со всеми своими достижениями запутаться в дебрях столь нежизненных и несостоятельных ценностей? Как случилось, что наш век великих открытий снизошел в своей морали, этике до столь откровенного пренебрежения классической культуры и литературы, фокусничества с её образцами?

Оказавшись в плену столь глубоких вопросов, Евгения этим вечером смалодушничала. Как на них ответить? Прервала работу. Выключила компьютер. Но от себя-то никуда не деться, – мозг не выключишь, он работает без выходных. Возбуждённое воображение подобно лошади, которую понесло и уже не имеет смысла укрощать, диктовало своё. Вспомнила: как-то писала о мысли в форме верлибра.

У Ницше прочитала о Мысли рассужденья.

Как ни странно, – часть знала этих откровений.

Спросил мыслитель как-то у нее:

– Как ты "роишься" и силы где берешь, родная?

Мне же хочется узнать свое:

– И сколько теревить меня ты будешь, дорогая?

Что не даешь мне сладко спать

и сил, чтобы "роение" твое унять?

Ты демоничною порой бываешь,

когда судьбой неведомо играешь.

Твои глаза – проталины ума -

такие зрячие не только ныне:

прозорливы во все времена.

Даже в молчании ты активна,

"роение" твое медиативно:

ты возвышаешь суть мою,-

то отпускаешь на свободу,

то рыщешь в прошлом,

потом летишь во весь опор.

И длится между нами давний спор:

бездонность ли твоя м о е ю лишь зовется?

Или она – то эхо глубины, – безднее твоей?

Чем, каким оттенком я заполню твою чашу? -

Радугой, мечтами, радостью моей?

Или расчётливым "роением" твоим ?

Давай устроим карнавал ума и чувства! -

Союз такой всегда непобедим!

Да, такой карнавал и питает душу. Он и духовности подспорье. Уж не мерило ли ценности степень той истины, на которую отваживается человеческий дух? Мы снисходитель-

ны к заблуждениям. А ведь это, по мнению Ницше, не слепота, а трусость. Всякий шаг вперед в познании, в профессии – это мужество, требовательность к себе, особая гигиена нравственной чистоплотности.

Она все думала: почему проходят столетия, тысячелетия, а об отдельных личностях мы продолжаем помнить? Более того, не только помним: такое впечатление, что они неотступно живут с нами. Среди них даже те, кто не оставил после себя ни изобретений, ни гениальных открытий, ни книг, ни строчки?! Возьмите, например, древнейшего из греков Сократа. Странствовал себе человек, бродил по городам, находил слушателей и размышлял. А вошел в историю философской мысли на многие века.

Сократ настаивал на систематическом умственном образовании молодежи, но отказывался брать деньги за свои услуги. Лучше любого из современников Сократ осознавал основное направление, в котором двигалась эпоха, и обозначил его в виде двух положений: степень абстракции, к которой стремится мысль, должна быть абсолютной и совершенной, сведенной средствами диалектики к "идее как таковой"; в человеке кроется мыслящая сила, способная к осуществлению этой задачи. Эта сила – псюхэ. С чего начинается познание?

Псюхэ чувствует притяжение ("эрос") к другой псюхэ и "совокупляется" с ней посредством "логоса" (слова), порождая последовательность мыслей, которые очищаются затем

методами диалектики.

Учение Сократа, выраженное в терминах любовной сим-волики, воплощалось в личности самого Сократа, и, быть может, именно это обеспечило ему неувядаемую славу. Так считают исследователи.

А ей представляется, что дело не только в философских постулатах Сократа, ведь были и другие тогда философы, о которых редко да редко упоминается в философской литературе. Дело, нам кажется, еще и в самой личности мудреца от природы, от Бога, в его харизме вся суть. Ибо мысли такой личности феноменально энергетичны, если хотите, закодированы силой разумного доброго духа. Его "псиохэ" ведь не было абстракцией, Сократ лишь обозначил им свое реальное состояние, вложил в него мощь разума и ощущения, которыми, несомненно, был наделен от рождения.

*

Сидя за компьютером, Евгения вдруг осознала, что пере-рывы между печатаньем становились всё длиннее. Она ощу-тила усталость, резь в глазах. Оставила своё привычное до-машнее рабочее место: « До завтра, до завтра...»...

Уже лёжа в постели вспомнила, что забыла поужинать. За-работалась, – называется.

Сумрак, проникший в квартиру, претворял всё находяще-еся в ней в различные, перемеющиеся призраки, которые то являлись, то исчезали. Протекло несколько мгновений, и ей показалось, что хвостатые тени, этакие расплывчатые

изображения на потолке, отделились от него, и комната будто потеряла границы, развилась в какое-то бесцветное пространство с плавающими в нём столом, кроватью, стульями. Евгения уснула.

Утром её разбудил звонок в дверь. «Мама родная, уж не проспала ли я на работу. Какой час?»

– Кто там?

Теряя смыслы...

– Простите, Женечка. Доброе утро. Я только спросить, когда можно с Вами поговорить? Вечером можно зайти?

– А что случилось?

– Ничего страшного. Но о внучках своих хочу поговорить. Это не разговор на два слова, длинный.

Да, Евгения хорошо знала Татьяну Сергеевну. Соседка не была ни суетливой пенсионеркой, ни синим чулком. О таких людях говорят: надёжный, обстоятельный человек. Среднего роста, довольно стройная, с матовым, слегка бледным цветом лица, с задумчивыми, спокойными глазами, волнистыми белокурыми волосами, она на первый взгляд производила впечатление слабости и беспомощности. Но наблюдая за ней на даче, Евгении казалось, что терпеливее и усерднее этой женщины нет. Её маленькие руки искусно владели то лопатой, то сапкой, то граблями, а в сухую погоду таскали для полива из местного ручья разово по два семилитровых ведра.

– Татьяна Сергеевна, всегда рада вам, – конечно, приходит. Я буду дома после семи вечера.

– Спасибо. Извините. Знаю, что торопитесь на работу. За-

крыв за Татьяной Сергеевной дверь, Евгения взглянула на часы. Оставалось час до работы. «Успею». Быстро собралась и вышла из дома.

Что же там внучки Татьяны Сергеевны натворили? Прелестные девочки-двойняшки. Третьеклассницы. Их мать с отцом подались в Европу на заработки. Вот и остались на попечении бабушки. Вряд ли это правильно. Но молодые родители сегодня больше нацелены на создание материальных условий для детей, им не до классических подходов и наставлений в воспитании своих чад. Конечно, такая бабушка, как Татьяна Сергеевна, плохому не научит, и всё же материнское, отцовское слово не заменит.

Татьяна Сергеевна ко всему была ещё и книголюбом с тех времён, когда за хорошим томиком стихов надо было постоять в очереди. Она считала, что бумажные книги читать приятнее, но от интернета сегодня внучек не изолировать.

– Я много видела и немало испытала в жизни, и я приучаю своих внучек не забывать о печатной книге. Они не случайно доверяют ей больше, чем мигающим экранам смартфонов или как там у них называется.

Евгения не раз вступала в спор с соседкой по этому вопросу, считая, что противопоставление электронной и печатной книги не продуктивно. Когда Татьяна Сергеевна заходила с просьбами дать ей почитать какие-нибудь книги из классики, Евгения радовалась за неё, но одновременно несколько раз пыталась рассказать ей и о современных авторах, об

электронной книге и запросах времени... Неужто и в этот раз её беспокоит эта проблема?

Вечером Татьяна Сергеевна была пунктуальной. В полвосьмого они сидели вдвоём с Евгенией на кухне за чаем и беседовали.

– Извините, Женечка, что отрываю Вас от дел, но Вы у меня как духовная сестрица. Буквально на днях, мои Маринка и Леночка с недоумением задали мне вопрос: почему я им читала сказку о рыбаке и рыбке одного содержания, а они в интернете – совсем другого, с их слов, нехорошего какого-то, о "торгашах". Женечка, как же это может быть? Вы что-то объяснить можете?

Евгения сразу поняла, что речь идёт о каком-то пошлом "ремейке" на сказку.

– Да, сегодня не редкость прочитать знакомую с детства милую сказку в иной, зачастую чуждой нам, интерпретации. Ныне всё перевирается, переиначивается недобросовестными писателями. К сожалению, мы тонем в беспамятстве не только отечественной истории, но и своих исконных корней, своего детства, того святого, что казалось незыблемым и неприкосновенным.

– Я всегда говорила, что разрыв с традицией – это самый большой наш грех сегодня. Ну, как же не помнить своих корней? – волновалась Татьяна Сергеевна.

– Вы правы, такие ремейки опошляют наше прошлое.

Мир разлагают сознательно, а потом с помощью прикормленных нелюдей сметут всё с лица земли. Покуда в нас самих есть свет, до тех пор у нас есть шанс.

– Но почему носители такой бесовщины обласканы этим интернетом? Это же наступление на невинные чистые детские души?!

– Конечно, пересмотр нравственной основы детских сказок – вовсе не невинная забава. Десятки самых известных сказок нашей культуры с помощью конъюнктурных пошлых усилий многих псевдо-писателей извращены и путём компиляции превратились в прикольные бесовские, отнюдь не христианские, комиксы. Это у них Дюймовочка – женщина лёгкого поведения, двенадцать месяцев – наркоманы, «тянущие косяки», дедушка – развратник, живущий с «курой». Я как-то писала об этих «фэнах» и «фикрайтерах» и их «фанфиках», об этом дурновкусии.

– И названий-то себе сколько понапридумали.

– Да это всё с иностранного плеча. Сами понимаете, кому это выгодно. Нашим оппонентам нужны люди, не помнящие родства. Ведь как русский язык страдает от этой похабщины! В той же сказке «Двенадцать месяцев» читаем: "тупая принцесса сбрендила", "дурочка попёрлась в лес", "вправить мозги дурочке", "жили там две садомазахистки", "за корзину подснежников отвалят золота", "пьяный шары залил", "косячком затянись", "нефиг лезть", "заведомо хреново", "шваль" и т.п.

– Господи, мир переворачивается с этим интернетом,– захала соседка.

– Вы ошибаетесь: и печатное детское книгоиздание сопровождает эта плагиатно-ремейковая болезнь. Дело ведь не в интернете, а в воспитании литературного вкуса, уважения к истории, народному творчеству. Сами понимаете, что сказки нам нужны не сами по себе, а русское слово, культурная традиция. Вот будет больше таких воспитателей, как Вы, осознают родители свою ответственность за духовный мир детей, тогда всё у нас наладится.

– Ой, дорогая, Ваши бы слова да Богу в уши.

– Татьяна Сергеевна, Вашим внукам с Вами повезло. Чтобы здоровы только были. Вот возьмите, почитайте своим внукам,– Евгения протянула соседке детский журнал с опубликованным в нём своим рассказом.

– Спасибо, спасибо Вам, Женечка. Пока они в школе, я сама прочту, Вы всегда пишете очень интересно и трогательно.

– Буду рада, если Вам понравится мой «Самый лучший подарок»; название такое у рассказа.

Самый лучший подарок

Сегодня пятилетняя Юлечка поднялась спозаранку: не прозевать бы. Дело в том, что у ее любимой клушки Рябухи,

наконец, должны вылупиться цыпленки.

– Умничка, проснулась,– хлопотала возле внучки бабушка.

– А Рябушка уже родила деток?

– Не родила надо говорить, а высидела. Да уж, выводок появился. Девять желторотиков.

– Хочу скорее к ним.

– Обязательно увидишь. Но вначале поешь.

Девочка без капризов быстро съела приготовленный для нее завтрак и выбежала во двор.

Не обращая внимания на ласково виляющего хвостом Тузика, оглянулась и громко сообщила:

– Бабушка, я пошла к Рябушке.

Наседка расположилась в летней пристройке. Для нее специально было сооружено гнездо, кладка которого состояла из одиннадцати яиц. Вылупившиеся птенцы уже пищали возле матери. А два уцелевших яйца сиротливо лежали в гнезде, постепенно теряя теплоту материнского тела.

– Цып-цып-цып, – залепетала Юлечка.– А что же эти два? Пустые что ли? Бабуль, что с этими-то яйцами будет, там нет птенцов?!

– Бог один ведает, почему не вылупились,– ответила подошедшая бабушка,– подождем, может, проклюнутся еще. Жаль, что Рябуха уже оставила их. Это плохо.

А курица тем временем квохтала, созывала, словно пересчитывала выводок, под себя подгребала, пряча свое бо-

гатство. Девочка взяла в руки одно из не проклюнувшихся оставшихся яиц.

– Что же ты, миленькое, недоброе такое. Скорлупа такая крепкая, не даешь цыпленку выйти. Он задыхается там. Пожалей его. Я же слышу, что в тебе он есть. И, прикрыв яйцо своими маленькими ладошками, начала дуть на него, что есть мочи согревая.

– Давай, милая, чуть-чуть приоткроем его,– сказала бабушка и острым гвоздиком сделала несколько осторожных проколов. Затем постепенно расколупала яйцо. А там и впрямь оказалось что-то живое, трепещущее, еще не цыпленок, но уже тельце его.

Юлечка наблюдала за бабушкой во все глаза. Бабушкины руки постепенно освободили дрожащее тельце от остатков желтка, волосинок, отделили от живинки мертвые скорлупинки, очистили от последа.

– Подай, внучечка, в-о-о-н ту тряпицу и ваточку к ней,– указала глазами бабушка.– Сейчас завернем этот комочек, чтобы тепло ему было. Бери, поддержи. А я братика его тоже освобождать буду. Он ждет своей очереди.

И вскоре оба сверточка Юлечка аккуратно завернула в старый бабушкин пуховый платок, который быстренько водрузила на теплую печку в доме.

Спустя какое-то время птенцы ожили, залопошились, запищали, зацекали, постепенно опушились.

– Бабушка, бабушка, цыпленки ожили,– радовалась де-

вочка.

– Цып-цып, вы мои родненькие, красотулечки наши. Теперь спасибо скажите нам с бабушкой, что живы остались, что родились... Не то бы не было бы вас...

Бабушка стояла в стороне и любовалась воркованием малышки.

– Вот оно – первое материнское чувство от появления на свет новой жизни, – подумалось.

– Бабуля, а ты говорила, что жизнь не дарится, но мы же подарили этим птенчикам жизнь, целых две жизни! – с гордостью произнесла Юлечка. – Теперь я всем расскажу, что жизнь может быть подарком.

– Значит, и мама тебе сделала такой подарок? – с лукавинкой, улыбаясь, спросила бабушка.

Девочка на миг задумалась и, нежно поглаживая оживших птенцов, ответила:

– Бабуля, жизнь – это самый лучший подарок на свете!

*

Так оно и есть. Люди только не задумываются об этом.

Евгения достукивала на клавиатуре последние три главки будущей книги. Многим может показаться, что это сборник небольших историй. Но Женя определила: это повесть, книга о книге, повествующая, как она писалась, откуда приходили образы, где бралась тематика, как осуществлялось её художественное осмысление. И всё это завязано на её, Женюной творческой судьбе.

Ей хотелось показать, что без вдохновения – этого соловья творчества – сочинительство невозможно.

В заключительные главы она сейчас вложит своё понимание красоты и гармонии. И тут без описания природы не обойтись. Тем более, что впереди отпуск и лето. А какое же оно было прекрасное в прошлом году!

С.А.Демченко. За селом.Лето.

Окольцованное лето

Такое разноцветное, улыбающееся! Грустит ли оно когда-нибудь? Наверное. Ведь и Солнце порой устает. Днем трудится, а к вечеру, когда садится, зевает долго и протяжно: или закрашивает небосвод в нежные алые тона, или оставляет без присмотра, словно сирот, свои оранжевые пламенные лучи-руки.

Оно смеется или плачет дождями? Скорее, радуется, когда влетает во все еще плачущие, расплзающиеся тучки красивую, на время забытую, радугу.

В знойный полдень лето зависает таинственным сном над нами.

Потом возьмет да и улыбнется румяным юным лицом захода, словно говорит: "До встречи!".

Ночь приносит ему кажущееся успокоение.

А в утренней тиши оно украдкой проснется свежим восходом,

выползет из своего укрытия, подобно улитке, на свет Божий.

Во снах своих засушит луговой вереск и заполнит его ароматом всю округу; нальет лесные ягоды соком и явит миру красоту земляничных полян

В самом начале лето вибрирует в воздухе соловьиными трелями, зовущим кукованием кукушек, пением жаворонка над головой

Сегодня оно все пропахло цветением, разнотравьем, наполнено таинством солнечных просветлений и ожиданий.

Оно, словно ступенька в лестнице жизни, обещающая другую, более высокую; как полет паутины, волнующий воображение; как красивый цветок в заманчивом, сплетенном невестой, венке.

Порой в аистинном клетоте тебе слышатся звуки свадебных песен и клятв новобрачных.

Именно летом все живое причащается мгновениями вечного источника Света и Радости. Это причастие особого свойства: оно способствует рождению и расцвету, плодоношению всего и вся.

Что ни говорите, а лето всегда окольцовано солнечным усердием, дарит Надежду на предстоящий светлый день и очередную капельку еще неизведанного счастья.

С.А.Демченко. Лесной колокольчик.

Лесной колокольчик

Тесно пожав руку уходящей весне, теплый приветливый июнь заявил о наступившем долгожданном лете. Это рукопожатие вылилось в нетипичную для мая жару и длительный сухостой. К вечеру и утром вся растительность немного оживала, а днем уныло склоняла головы, умоляя напоить ее хоть малостью спасительной живительной влаги.

И первый летний месяц не поскупился, щедро утолив жажду готового к захватывающему буйству всего зеленого царства деревьев и кустарников, трав и цветов.

Еще совсем недавно скупой на благоухания сухостой преобразился в ненасытно дышащее разными непередаваемыми ароматами земное блаженство.

Особенно это чувствуется в июньском лесу, который подставив голову под лучезарное солнце, продолжает радоваться все еще до конца не разорванной паутине голубеющих облаков, медленно проплывающих и исчезающих в поднебесье.

Каждый лепесток дышит озоновой свежестью, трепещет от прикосновения даже легкого дуновения ветра, любовно обнимающего все и вся.

Солнечные лучи, хотя и украдкой, но настойчиво пробиваются сквозь лесные заросли, словно заявляя:

– А вот и мы. Рады к вам прикоснуться.

Под ногами из-под слежавшихся за зиму листьев, хвойных иголок и хвороста властно пробивается разноцветный ковер низкорослых неказистых кустиков и цветочков. Его хитро-сплетению мог бы позавидовать любой ткач.

Этот созданный природой узор местами покрывается выразительными яркими пятнами ягодников – то нежной розовеющей брусники, то еще зеленой голубики, а то уже изредка появляющейся черники.

Но ни в какое сравнение с ними по заполненности и цветовой гамме не идут ласкающие взор земляничные полянки.

Краснопузые, сочные, то круглые, то продолговатые ягодки на фоне свежей зелени и густого насыщенного белоцветья, как бы, взывают о понятной только им наступившей бла-

ГОСТИ :

– Мы созрели, сорвите нас, попробуйте, лучших не сыщите.

Ранним утром землянички более зазывные, как бы, стонущие от тяжести, усиливающейся непрерывной каплей росы. С появлением солнечных бликов их веточки осушаются, выпрямляются, вытягиваются, напоминая, что они уже готовы к поединку со своей необратимой судьбой: быть сорванными, или потоптанными, или перезреть, сбросить свое семя в землю ради возрождения в следующем году.

Собирая ягоды на такой полянке, забываешь обо всем, ибо видишь воочию чудодейственную силу природы, веками и повсеместно рождающую неподдельные образцы гармонии и красоты.

Осознание ее могущества и неподражаемости в сотворении нерукотворных чудес усиливается при встрече с загадочными незнакомыми цветами, причудливыми громадными кустами многочисленных папоротников, с лесными божественной красоты колокольчиками.

Совсем маленьких, скорее темно-фиолетовых, чем синих, можно увидеть и на лугу, и в скверах. А вот его, размером

в диаметре большого грецкого ореха, переливающегося голубизной, синевой, сиреневатостью, узрешь только в лесу, богатом прежде всего на землянику.

Это он горделиво возвышается на избранном для него месте, свысока осматривая свое хозяйство, являя всему существу свой неслыханный переливчатый перезвон.

У него есть много собратьев – живых и искусственных. Их объединяет подобие формы, обязательное наличие внутреннего била, но есть одна существенная разница: живой колокольчик никогда не приносит плохой вести.

Это искусственные колокола рыдают зычными набатами, плачут внезапными тревогами, сзывают людей по случаю какого-нибудь лиха.

Конечно, отдельно от них стоят церковные звоны, неся на землю призывы к благочестию, миру, состраданию. Но и в них присутствует тревожная нотка – за наши души, их покой, свет и чистоту. Говорят, их звучание богодарно и даже целительно.

И только лесному колокольчику до этого всего, кажется, нет никакого дела. Взойдя на трон своего полыхающего расцвета, он упивается непревзойденным величием и несказан-

ной красотой. Его неземная органика наполнена влечением и желанием поделиться своей привлекательностью и обаянием с паучком или пчелкой, нашедших в его светло-желтой тычинковой сердцевине уютное пристанище, или с человеком, наполнившим до краев его чашечку свежесорванной земляникой и аппетитно проглотившим этот своеобразный целебный лесной пирожок.

Цветок этот благодатный, в народе его еще называют "благовестным звонарем", мол, зацветает он, значит, пора собирать землянику.

Во время таких сборов этому прелестному сиреневому выкидышу красоты особенно радуются дети. Они усердно формируют землянично-колокольчиковые вкусности, понимая, что ничего подобного ранее не пробовали.

Он беззащитен, как впрочем, и все живое на земле. И не может понять только одного: за что его, благовестника, не любит и наказывает человек?

Косулю или зайца, случайно его задевших, колокольчик еще может простить. Поэтому, как правило, при этом он не спешит быстро завянуть и бесследно пропасть.

А вот почему такой недобрый и злой человек?

– Чашечку для ягод я ему отдаю, – размышляет он, – хорошую весть сообщаю, много пространства в лесу не занимаю, скуплюсь даже на многолистье, а вот вырывают меня с корнем, топчут и мнут, хотя не заметить меня невозможно...

И, как бы, протестуя против такой несправедливости, лесной колокольчик исчезает.

Только иногда может встретиться на лесной поляне, да и то в одиночку.

Сиротеет...

Скажите, не беда?! Еще какая! Опять мы лишаемся чудесного творения природы, при виде которого учащенно бьется участливое сердце, в душе воцаряется блаженство и умиление, и мир становится трепетным и благоговейным.

С.А.Демченко. Одинокий подсолнух

Яблочно-медовая пора

Если у Евгении и были любимые праздники, то среди них – Яблочный Спас. В прошлом году она так написала об этой замечательной поре.

*

Наступил последний месяц нынешнего, как никогда, жаркого лета.

Златокудрое Солнце расщедрилось не на шутку. На нас все еще льются потоки подмигивающих солнечных лучей.

В воздухе стоит блаженная истома плодоношения.

Август величав в своем обыкновении, его щедроты несметны.

Он уже властно хозяйничает на бескрайних золотистых хлебных нивах.

Поля высвечиваются рыжей, вернее, рыже-желто-зеленой

краской, с едва заметными переходами от одного оттенка цвета к другому.

Колосья пахнут солнышком; набитые пышущим зерном, они отяжелели и просятся в обмолот. Еще неделя – вторая, – наступит летняя страда.

Особая приветливость хлебной нивы похищает ощущение времени и пространства, куда-то враз отлетают суетные повседневные заботы, будничная суматоха и торопливость.

Проникаешься безвременьем...

Август зримо кудесничает в садовом и лесном царствах.

Он незаметно подкрадывается к рябинам, начиная румянить их тяжелые кисти.

Горчат полыни, терпкий дух источают луговые травы, особенно стараются звербой и пижма, чадят осоты.

В колдовские космы берез и зеленые каскады лип вкрадчиво вкрапливаются желтоватые пятна.

В лесах на мшистых пожухлых подушках россыпью горят нарядные, звонкие и веселые, бусинки брусники. Сверху –

огненно-красные, по бокам – белесые, чуть тронутые розоватостью, совсем, как райские яблочки, – только травянистые, крепенькие и ядреные.

Везде – тут и там – мелькают мечтательные огнекрылые бабочки.

Делают пробные облеты грачиные стаи, черные сетки которых все чаще можно увидеть у далекого горизонта. Налетавшись, они рассядутся на свежем жнивье, словно рассыпанное ожерелье.

В лугах заметно, как ватажатся скворцы и вихрем срываются от малейшей опасности. В дальнюю дорогу собираются верные своему потомству ласточки.

Вдоль речных затонов снуют стрекозы, трепеща своими витиеватыми слюдяными крылышками.

Местами где-то уже опомнилась серебристая паутина, предупреждая о неминуемом наступлении бабьего лета.

Звездочками на солнце начинают гореть кустарники шиповника.

В садах наливаются яблоки. Самые спелые можно уже

срывать.

Малиновый жар их созревания исполнен торжественного таинства.

На губах уже ощутим медово-яблочный вкус святого Спаса.

Пасечники будут выламывать в ульях соты. Пчелы, устав от напряженного труда, перестанут носить душистый взяток.

Нет, в августе почти ничего еще не умирает. Все находит благодать в дарении, в отдаче.

Благоухают флоксы. Многие цветы еще только готовятся к своему цветению. И Солнце еще высоко.

Но...словно яблоки, зреют дни; краснеет, настойчиво золотится их летнее убранство.

Время теряет свою сопротивляемость и медленно сдвигается к осени...

С.А.Демченко. Хлебная нива.

Небесное приветствие земли

В тот майский день как-то интригующе и зазывно голубело Небо. Набежавшие, казалось, ниоткуда разрозненные кучевые белесо-серые тучки не предвещали ни грозы, ни осадков. Но совсем скоро атмосферная таинственность раскрылась теплым обильным дождем. Он был уже почти по-настоящему летним.

Вначале посеребрил воздух, затуманил сады. Потом заставил свои скользящие струйки барабанно плясать на ухабистых и покатых крышах домов. Начали плакать капелями, затем реветь целыми потоками их стоки и желоба.

Уже в который раз вечная живительная влага пришла поворковать с матушкой-Землей. Ее, уставшую от ожидания, испытывающую постоянную жажду, вода поила с особым, только ей понятным, усердием. Нервные бурлящие струи со змеиным шипением воровато прятались в сморщенных

от сухости земляных расщелинах, пронырливо выискивали невидимые лазейки среди песка, комков и всевозможных комочек.

Земля благодарно и неистово принимала эту водную заботу.

Вскоре небесное дождевое сито задергалось от жадности, заметно истончая посылаемые вниз струйки. И постепенно они перешли в совсем медленный дразнящий "бостонский" танец "слепого" тихого дождика.

Приветствуя прелестные остатки летнего ливня, ликующее от страсти Солнце щедро разливало вокруг свой сказочный рассеивающийся свет. Откликаясь на него, Земля своими горячими вздохами поднимала в воздух седоватые космы испарений, напоминавшие сизое туманное дрожащее покрывало.

Солнечный свет бил широким потоком, выстилая внизу трепещущие золотые дорожки, играя бликами хаотично мечущихся зайчиков.

Ощущалось, как в его ослепительном упоении все живое

наливалось хмельным соком роста и цветения, как лопались напыженные дозревшие почки на деревьях, на глазах раскрывались сочные бутоны ранних цветов.

Своим невидимым пристальным взглядом небесное светило прощупывало каждый росток, предусмотрительно пожелавший учтиво с ним поздороваться.

Где-то далеко в вышине слышались какие-то фальцетные расплывчатые раскаты грома.

Но Солнце продолжало заливаться радостным светом, даже не помышляя уступать дорогу напрашивающейся в гости грозе.

Внезапно каким-то чудом, подобно хитрой лисе, на Небо прокралась содрогающаяся в конвульсиях молния.

Все встрепенулось, и враз опять напомнил о себе ливень.

Но не прошло и десяти минут, как он неожиданно прекратился. Вновь приветливо заулыбалось Солнце. В воздухе запахло свежестью, ароматом только что разрезанного спелого

арбуза. Казалось, кто-то неведомый сознательно вприснул в атмосферу редкостный озоновый дезодорант.

То тут, то там Земля пестрела лощеными пятнами дождевых лужиц.

Золотым жужжанием в цветочных гроздьях ирги, похожих на черемуху, загудели пчелы.

В унисон зазвучали замолчавшие перед грозой голоса синиц и пеночек, запрыскали из-под нарядившихся в яркую зелень веток всем знакомые серые неугомонные воробьи.

Заиграло на Солнце таинственно-пьянящее лилово-фиолетовое цветение весенних фиалок.

Еловые ветви нахально распространяли сладковатый терпкий запах смолы. Этот смолистый ладан обожествлял все окружающее.

Желто-зеленые свечи молодых, только минувшей осенью посаженных сосен затеплили всю садовую ауру.

Дачный пруд, увенчанный глянцевым золотистым венком желтоглаза, как-то неровно и болезненно дышал торфяными

газами. Его зеркальную гладь время от времени бессовестно дергали спешившие куда-то водомеры, разрезали стонущие от удовольствия парующиеся лягушки.

И как-то сладко заныло, защемило томление послегрозового часа.

В результате явило Миру сначала едва заметную тоненькую подковку, постепенно зажелтевшую спелой рожью.

Затем она, распрямляясь, обогатилась соседством оранжевой, красной, нежно-голубой, синей, зеленой и фиолетовой серпообразных дужек.

В результате преломления световых невидимых волн Небо выбросило их, словно флаги, как знамена совершенства и притягательности, яркий пример природного взаимодействия и дружбы.

Приветствуя земную жизнь, они взывали к красоте всего того, что строго соблюдало естественные универсальные законы.

Вначале этот цветастый альянс заплел на божественном небосводе ажурную, выгнутую коромыслом, сетку калейдо-

скопного многоцветья, затем превратил ее в радужную семицветную косу, насыщенную яркостью и четкостью сплетений, выставляющую напоказ уникальную гармонию основных цветов художественного колорита.

(Наблюдая за этой гармонией в жизни, мы усматриваем в каждом радужном цвете божественное назначение. Но их сила только в единении.

В "Трактате о живописи" непревзойденный Леонардо да Винчи замечал, что каждый цвет надо прочитывать в содружестве и на фоне других, что и являет нам посылаемая Небесами Радуга).

А тогда постепенно этот своеобразный семицветный ковш начал двоиться, растекаться, будто хотел зачерпнуть побольше хмельного небесного простора.

Радуга стеариново растаяла в атмосфере так же незаметно, как и появилась. Ее и в этот раз жадно и с непременным удовольствием буквально проглотила синяя высь.

Неведомым чудом божественная благодать воцарилась во всей притихшей природе.

Казалось, Небо накрыло Землю особым звенящим медно-зеленым колоколом.

И если невзначай его задеть, он тут же отзовется, запоет неземным, исцеляющим человеческие души, звоном, разольется лазуревой голубизной вокруг, извещая людей о своем пробуждении.

Наверное, именно так он решает передать на Землю свое приветствие, поклон от загадочного вселенского космического Мира.

И нет предела нашему искреннему благодарению за это!

Котлеты с макаронами

Рассуждая на страницах книги о жизни, о природе, о человеческих страстях, о том, как вдохновение меняет образ жизнедеятельности человека творческого труда, Евгению хотелось в заключение поставить какую-то самую важную точку. Какую?

Только чтобы не повторяться, не пересказывать известные истины; и ей показалось, что ниже опубликованный очерк (это реальная история) отвечает на этот вопрос: ценить то, что имеешь, осознавать, что каждый день – первый из всей оставшейся жизни и его нельзя терять.

*

Очерк.

Метрдотель не скрывал своего недоумения: в наше время на дом заказывать в первоклассном ресторане порцию котлет с макаронами.

– Что же это за мечта такая у юбилярши? Что, она сама не может отварить макароны и сделать котлеты?

– Да может она, конечно, приготовить все это, и, наверняка, не раз в своей жизни их ела. Но на торжествах в этот раз не будет этого блюда. Она вчера, делясь со мной воспоминаниями, так и сказала:

– Котлеты с макаронами – это моя любимейшая еда. Мечта, если хотите. С детства помню их необыкновенный вкус. К тому же с ними у меня связана одна незабываемая история.

*

Родилась и выросла Нэлли Дьячкова на Дальнем Востоке. В Благовещенске.

Перед войной они жили большой дружной семьей и практически ни в чем не нуждались. Очень часто родной дядя и отец, работавшие на заводе, брали с собой пяти-шестилетних двоюродных сестренок на предприятие, и там они, как правило, обедали в заводской столовой. Аромат "заводских" котлет их всегда притягивал, он казался им особенным, не таким, каким был у "домашних".

А макароны, какими были макароны?! Длинными, круглыми, соблазнительными в своем кремоватом отливе, создающими в тарелке причудливые рисунки. Слегка жмурясь, воображение видело в них то тропинки, то горки, или цветочки, а то и свернутые в шарики ленточки, порой – сплетенные косички.

В военные годы народу на заводах значительно прибавилось. С питанием дела обстояли напряженно.

В 1943 году все заводчане обязаны были обрабатывать наделенные им за городом земельные участки, на которых повсеместно и в обязательном порядке высаживали картофель.

Мужчины который год уже были на фронте, а женщины делали все возможное, чтобы дети не голодали, добывали по краюхе хлеб, который и хлебом-то в привычном смысле трудно назвать: испечен был из каких-то отрубей,— но и ему в то время все были рады.

Однажды в виде премии за самоотверженный труд в помощь фронту матери девочек на заводе получили продовольственные пайки, в которых было по 300 грамм макарон и по 200 грамм мясного фарша.

Как только дети узнали об этом, тут же в один голос заявили: " Хотим котлет с макаронами!"

На том и сошлись: обе мамы соединили полученные продукты в одну порцию и приготовили из нее желанную еду. Но поставили детям условие : " Завтра вы идете с нами на окучивание картошки. Котлеты будем есть в поле." Те, конечно, согласились.

Накануне Алька и Нэлька никак не могли уснуть, переговаривались, перешептывались, глотая слюньки:

– Алька, а помнишь, в столовой котлеты еще и поливали маслом?

– Помню, помню, еще и добавки можно было попросить... Вот бы сейчас это было...

На следующий день, приехав на участок, начали искать место, где бы аккуратно поставить кастрюльку с долгожданной едой и, недолго думая, спрятали ее в "меже", не так, чтобы глубокой, но все же и не мелкой.

По крайней мере, отойдя на несколько шагов от места "захоронения" котлет, посуды видно не было.

Едва дождавшись обеденной поры, девочки первыми побежали к "укрытию" пищи. Кастрюля целой и невредимой стояла на месте.

Но каким же непередаваемым огорчением было то, что предстало их взору под едва приподнятой крышкой.

Из-под нее валом поползли муравьи; сонм, не счесть, сколько их покрывало и макароны, и котлеты.

Девчонки разревелись, когда их мамы сказали, что ни котлеты, ни макароны есть нельзя и принялись закапывать их в землю.

Вот с той самой поры Нэлли не может забыть эту историю и в последующие, уже взрослые и зрелые годы, всегда с трепетом относится к этому незатейливому блюду.

*

Услышав этот рассказ юбилярши накануне дня торжеств, приехавшая к ней гостя из ближнего зарубежья решила в день рождения угостить ее самым любимым блюдом.

Вручая ей роскошный букет, сказала:

– А это привет вам из вашего детства, – и протянула ей ресторанный пакет, в котором было приготовлено порцион-

ное блюдо из двух котлет с макаронами, конечно, не очень напоминающими те, довоенные.

– Вы как бы исполнили в очередной раз мою мечту. Спасибо огромное.

И растроганная хозяйка, игнорируя деликатесные и изысканные блюда праздничного стола, с удовольствием принялась за котлеты...

Думается, в эти минуты мыслями она была далеко, в том далеком счастливом довоенном и трудном военном детстве, которое никогда не забывается.

*

А мы сетуем, что жизнь у нас хуже некуда. Так другой её и не бывает. Важно только упорядочить свои желания, потребности и ценности, научиться соотносить их с самим чудом жизни как таковой.

Другой жизни просто не бывает.

Эпилог

Порой Евгении представляется, что жизнь – это сплошное безумие!

А знания, способности, опыт – только лишь ритм этого безумия.

В таком случае, куда же деваться чувствам?

Они – на лице? И только? Или спрятаны в Душе?

Тогда почему же порой так несправедлива их участь?

Что важнее: жить чувствами или разумом? В чем состоит её благоразумие?

«Сплошной хаос мыслей», – говорила она себе.

Он живёт с ней и никогда не покидает. Вот уж верен своему носителю. И... всматриваясь в лица своих персонажей, Евгения видела в них не столько чувства, сколько этот хаос в чувственном эмоциональном обрамлении. Хаос всего увиденного и неувиденного, пережитого и непережитого, преходящего и вечного. Этот хаос Душ сливается с хаосом

жизни. И люди, безумствуя, например, как и она, прячутся под маской сочинителей, – графоманов ли или взаправду пишущих творцов? А, может, мы – ни то, ни другое? Тогда кто?! Проявления того же хаоса, маленькие индивидуальные воплощения всеобъемлющего круговорота явлений и вещей. Не иначе. Потому-то и столь разнообразна тематическая и художественная палитра новой её книги.

Пишущих много. Пишем по-разному, пишем о разном, и все мы – разные. Плохо это или хорошо? Скорей, закономер-но. Хаос выталкивает из себя всё скучивающееся, одинако-вое, копирующее, как чужеродное тело. Хаос всегда с нами в мыслях и чувствах, он – за спинами нашими пляшет еже-часно, как смеющийся человек, оставляя нам свои уродли-вые тени. Ночами они расползаются по всем направлениям наших попыток осознания сущности своих ЭГО..., рождая бессоницы и томление духа. И изломы теней хаоса стано-вятся страшными, непредсказуемыми в своем безумстве. Их не прочесть. Не ухватить. Тогда только мы и бываем наи-более, если не полностью, искренни? И допускаем, разре-шаем себе безумие? Ни грамма здравости, когда наворачива-ют чувства? Зачем эти страсти?! Разве не комфортно спо-койствие? Уравновешенность? Тот самый здравый смысл, наконец?!

Волей (чьей волей?) мечты превращаются в кисти, в кла-виши, в перо, и тогда они живописуют обманные, хотя и же-ланные, смыслы жизни, любви, и теперь уже их безумия.

Почему, с одной стороны, рисуются и видятся ангельские крылья, полет птицы в красивом Небе, пение соловья, а с другой, – б-р-р-р... свиное рыло или пляшущий шут? Почему вообще мы их видим?! За что корим себя? И не довольны собой, почему?

Вменяемы ли мы, выдавая мечту, устремлённость за реальность?

Не бежим ли от утешительного ответа: это хаос виноват, – который в Душе и который – в жизни. Он – неотъемлемая черта круговорота жизненного безумия. Нескончаемого, не познанного до конца. Ибо его хозяйка – бездна бытия.

Чего уж тут рассуждать: жизнь сама – это и есть безумие? "Дырка от бублика", в которой царит бесконечное мельтешение действия, изменчивости и превращений.

Поэтому? Поэтому нужно безумствовать, любить и тени хаоса, какими бы причудливыми и необъяснимыми они ни были. Не сетовать на них. Сосуществовать. Мирно, здраво. Как ни парадоксально, безумие и хаос жизни – это и есть её порядок. Вам не кажется? Ведь другой жизни просто не бывает!

И жить нужно «сегодня». Ведь «сейчас» – это и есть жизнь. А «сегодня» фактически длится годами. «Вчера» всегда умирает «сегодня»; «завтра» – это ещё не рождённое. Любой наш день – это, по существу, – «сегодня», требующее самоотдачи и действия.

Для любви не существует «вчера», любовь не думает о

«завтра». Она жадно тянется к нынешнему дню; и этот день нужен ей весь, целиком, — неограниченный, неомрачённый, наполненный жаждой жизни.

*

Написав этот эпилог, Евгения ощутила полное бессилие настроить себя на другой лад. Её соловей замолчал, хотя ветка вдохновения, которую он избрал и на которой пел на страницах её книги, постарается и впредь оставаться такой же гостеприимной.

Повесть втянула в себя душу и разум десятками голосов её персонажей. Пока они покоятся в рукописи, никому, кроме неё, не известны и тихи. Но стоит им появиться опубликованной книгой, как каждая строка заговорит своим языком, заблестит, подобно ручейку, стремящемуся воссоединиться с другими, себе подобными, и, журча в хаосе конкурентной борьбы и примирений, пробьёт себе русло, в шумное течение, дай Бог, читательской любви.

Спасибо, дорогой читатель.

= III =